

Дэвид Ирвинг
Оружие возмездия. Баллистические ракеты Третьего рейха – британская и немецкая точки зрения

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609375*

*Оружие возмездия. Баллистические ракеты Третьего рейха – британская и немецкая точки зрения / Пер. с англ. Т.Е. Любовской.: Центрполиграф; Москва; 2005
ISBN 5-9524-1624-1*

Аннотация

Известный английский историк Дэвид Ирвинг показывает, что склонность немцев к внешним эффектам и разногласия в высшем эшелоне власти Третьего рейха привели к тому, что значительные ресурсы, предназначенные для разработки самолета-снаряда и реактивного истребителя, были брошены на создание баллистических ракет. В британском правительстве многие считали несостоятельной весьма реальную угрозу, которая по замыслу Гитлера должна была переломить ход войны в пользу Германии.

Содержание

Пролог	4
Предисловие	8
Глава 1	10
1	10
2	12
3	16
4	17
5	19
Глава 2	22
1	22
2	24
3	27
4	28
5	29
6	31
7	32
8	34
9	35
10	36
11	37
12	39
13	42
14	45
15	47
16	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дэвид Ирвинг

Оружие возмездия. Баллистические ракеты Третьего рейха – британская и немецкая точки зрения

Пролог

Автору этой книги был предоставлен доступ к ряду официальных документов. Только автор несет ответственность за сделанные им выводы и суждения, высказанные на страницах этой книги. В соответствии с общепринятой практикой автору не разрешено было указывать официальные документы, которые он использовал в своей работе.

Как и в случае со всеми работами, для написания которых привлекались официальные, зачастую засекреченные документы, рукопись этой книги была направлена автором, которому в то время было 25 лет, в службу безопасности для получения разрешения на публикацию. В июле 1964 года офицер службы безопасности написал ему: «Глава, начинающаяся со слов «Подобно тому как анализ противоречий...», не должна появиться в печати». После официального разоблачения секрета «Ультры» и истории «Энигмы» в 1974 году этот запрет более не имеет силы.

Подобно тому как анализ противоречий привел к самым неожиданным открытиям в прикладной науке, так и в нашем случае изучение на первый взгляд необъяснимых противоречий может помочь узнать подлинную основу наиболее ревностно охраняемых секретов.

Событий, о которых поведано в этой книге, возможно, не было бы, если бы не некий проект, реализовывавшийся группой офицеров разведки в сорока милях от Лондона и окруженный такой секретностью, что ни кабинет министров, ни главнокомандующие, ни союзники не были поставлены о нем в известность.

В рассказанной мною истории встречаются несколько существенных противоречий. Для всего произошедшего они имеют первостепенное значение, поскольку их анализ позволяет установить, что Пенемюнде был вторым крупнейшим исследовательским центром, что обнаруженные во Франции конструкции являлись катапультами для самолетов-снарядов и что Германия обладала стратегическим потенциалом в 1000 ракет.

Наиболее интересным противоречивым свидетельством представляются «транспортные накладные». По официальной версии, они были добыты тайными агентами британской разведки, работавшими над разгадкой секретов германского «оружия возмездия». В действительности информация поступала совсем из другого источника.

5 ноября 1943 года, после того как британские бомбардировщики нанесли сокрушительный удар по Пенемюнде, на стартовых площадках в Близне (Польша) начались испытания немецких ракет дальнего радиуса действия «А-4» (иначе «Фау-2»). Вскоре об этом узнала британская разведка. В своем докладе кабинету министров в середине июля 1944 года один из офицеров разведки заявил, что в добытых агентами транспортных накладных, относящихся к грузоперевозкам на линии Пенемюнде – Близна, содержится перечень серийных номеров объектов (в диапазоне от № 17064 до № 18000), которые на фотоснимках из Близны были идентифицированы как ракеты.

Как мы увидим в дальнейшем, информация вызвала потрясение у членов кабинета министров. Но вот что представляет действительно большой интерес, так это подлинный источник информации.

Офицер разведки сообщил кабинету министров, что «накладные» были захвачены британским агентом в Польше. Однако это было совершенно исключено: 25 января 1944 года один из подчиненных генерал-майора Дорнбергера, ответственный за транспортировку ракет, распорядился в целях сохранения секретности бумаги, связанные с перевозкой «А-4», не заполнять, не оформлять ни сопроводительные документы, ни накладные.

Это распоряжение вступило в силу 1 февраля, *за пять дней до того*, как состав с десятью ракетами «А-4» (одна из которых была с серийным номером 17064) отошел от завода в Нордхаузене, и за несколько недель до того, как был осуществлен запуск этой ракеты в Близне.

Следовательно, «накладных» и вовсе не существовало.

Тогда откуда же британская разведка черпала информацию? Каков был ее настоящий источник? С самого начала Второй мировой войны британская разведка прилагала все усилия, чтобы разгадать шифры, которыми пользовалось германское Верховное командование. В то же время нельзя было дать понять врагу, что его секрет открыт. «Сама по себе информация о противнике войну не выигрывает, – заметил один из офицеров разведки, – но она может помочь обнаружить в обороне врага уязвимые места и ударить по ним в самый подходящий для этого момент».

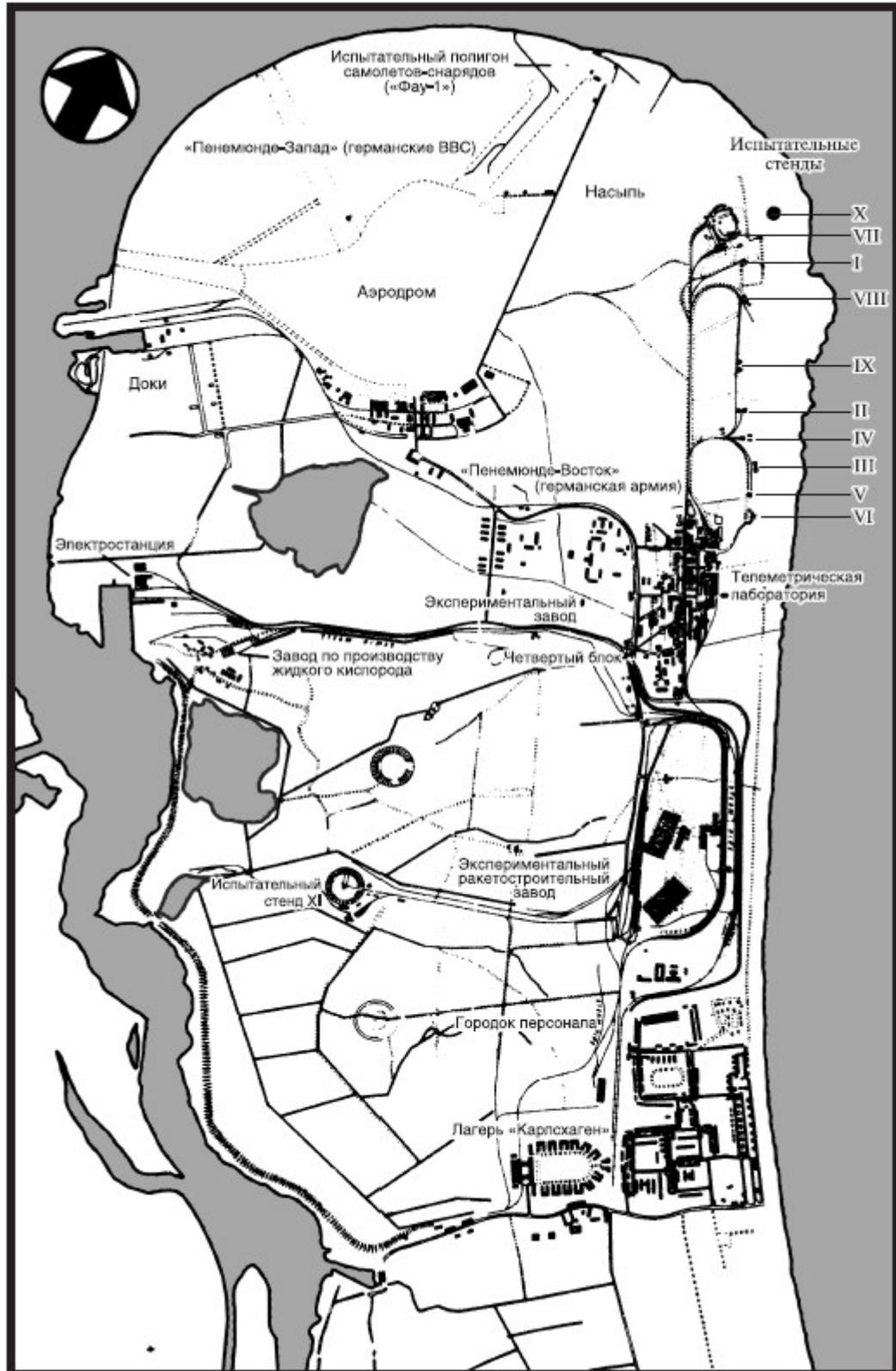
К тому времени немцы создали чрезвычайно надежную шифровальную машину, получившую название «Энигма». Британский государственный служащий Джошуа Купер был совершенно уверен в том, что, если немецкие шифры были сгенерированы машиной, значит, только машина и сможет расшифровать их. (В 1936 году Купер был переведен в министерство ВВС для работы в воздушной разведке, в то же время он по-прежнему оставался приписанным к министерству иностранных дел.)

Его идея оказалась плодотворной. Инженеры министерства почт, которым было дано задание разработать дешифровальное устройство, весьма успешно справились с делом: их машина способна была «разгрызть» намного больше шифров, чем ожидалось. Дешифровальное устройство, установленное в Бакингемшире, обслуживал целый штат сотрудников: переводчики, дешифровщики, аналитики. «Начиная с того дня, – вспоминал один из них, – мы могли расшифровать все, что попадало нам в руки». Вдобавок ко всему британское устройство работало значительно быстрее, чем германское, так что зачастую британская разведка получала расшифровку документа раньше, чем тот, кому он был адресован.

В течение некоторого времени это дешифровальное устройство являлось британским ноу-хау. Как только о нем стало известно американцам, они тут же поспешили заявить, что первые подобные машины конечно же появились в США. В целях опровержения подобных заявлений британское правительство вынуждено было признать тот факт, что во время войны в его распоряжении находилось такое устройство, но оно сделало это с большой неохотой. Тем, кто потерял в военных катастрофах своих родных и близких, вряд ли приятно было бы узнать, что британская разведка была прекрасно осведомлена о времени атак задолго до того, как они должны были произойти. Еще в самом начале использования хитроумной машины было решено, что ради соблюдения строжайшей секретности в кабинет министров будут представляться лишь те разведданные, которые могли быть получены не только с помощью дешифровального устройства, но также и из других заслуживающих доверия источников. Список лиц (включая министров), кому рассылались эти разведданные, был строго засекречен. Вот потому и возникли измышления о документах, якобы похищенных агентами разведки. В случаях, когда невозможно было придумать убедительную историю получения разведданных, перехваченные шифровки просто не оглашались. Гибли

конвои, противник проводил сокрушительные воздушные налеты, а британская разведка вынуждена была наблюдать за этим со стороны, мучаясь от бессилия.

Этому дешифровальному устройству, которое находилось в совместном пользовании министерства иностранных дел и разведки, принадлежит большая часть заслуг, которые в этой книге волей-неволей будут приписаны руководителям разведки.

Германский исследовательский центр управляемых ракет в Пенемюнде

Назначение испытательных стендов: X – пусковые испытания «А-4»; VII – испытания двигателей; I – стационарный испытательный стенд для камер сгорания; VIII – испытания камер сгорания с турбонасосами; IX – испытательный стенд для ракеты «Вассерфаль»; III – горизонтальный стенд для камер сгорания; V – испытания системы подачи топлива; VI – испытания двигателей «А-4»; XI – испытательный стенд для ракет «А-4», запущенных в массовое производство

Предисловие

В один из дней в начале августа 1944 года бомбардировщик «либерейтор» из 8-й воздушной армии США разбежался по длинной бетонной взлетной полосе аэродрома в Англии и взмыл в воздух. Экипаж самолета состоял всего из двух человек – пилота, лейтенанта Джозефа Кеннеди, и радиста. Все свободное пространство в самолете было занято взрывчаткой общим весом более 22 000 фунтов.

С самолета было снято вооружение и на борту осталось лишь горючее, необходимое для полета в один конец, целью которого была унылая, открытая всем ветрам пустошь у пролива Па-де-Кале всего в нескольких милях от французского побережья. В центре пустоши возвышался пологий холм, который скрывал под собой немецкую пушечную батарею с орудийными стволами более 400 футов длиной. Адольф Гитлер придумал для этой батареи кодовое название – «насос высокого давления». Стволы орудий были нацелены в самое сердце Лондона, находящегося в сотне миль отсюда. С этого холма фашисты рассчитывали ежедневно осыпать столицу Британской империи градом из шестисот 9-футовых снарядов. И эта пушечная батарея все еще была в руках немцев.

По личному настоянию Адольфа Гитлера строительство площадки проводилось ускоренными темпами. На гребень холма водрузили 18-футовую бетонную плиту, в которой были вырезаны отверстия для пятидесяти орудийных стволов.

Для того чтобы наверняка поразить эту цель, командующий американскими ВВС изобрел собственное секретное оружие: бомбардировщик, до предела загруженный тротилом, и экипаж добровольцев, которые должны были выпрыгнуть с парашютом перед тем, как самолет достигнет позиций противника. Затем бомбардировщик с помощью радиоуправления наводился на цель – злоеший «насос высокого давления».

Вскоре после того, как «либерейтор» Кеннеди оторвался от земли, в воздух взмыл другой американский самолет, который должен был вести «либерейтор» к цели, после того как его экипаж покинет бомбардировщик. Он был в нескольких милях от «либерейтора», когда тот вдруг внезапно озарился двумя ослепительными вспышками. Экипаж бомбардировщика погиб мгновенно. Лейтенант Кеннеди, брат будущего президента США, пополнил список из 2900 летчиков союзных войск, которые отдали свои жизни в битве против секретного «оружия возмездия» Гитлера.

Битва эта началась в августе 1943 года, когда однажды ранним утром мистер Уинстон Черчилль, в то время находившийся в Квебеке, был разбужен телефонным звонком из Англии. Раздался знакомый протяжный голос, на другом конце провода был зять, Дункан Сэндис. Несколько месяцев назад Сэндис возглавил расследование британской разведки, предметом которого стало германское «секретное оружие».

Сэндис был краток:

– Операция «Гидра» увенчалась успехом!

Сэндис говорил с территории авиабазы британского Бомбардировочного командования в Хантингдоншире, Англия. Операция «Гидра» стала одним из самых удачных воздушных налетов за всю историю Второй мировой войны. В шестистах милях от Хантингдоншира, в Пенемюнде, располагался германский центр по разработке управляемых боевых ракет, на создание которого Гитлер с 1939 года потратил около 25 000 000 фунтов. Теперь этот центр представлял собой огромный костер. Среди руин лежали безжизненные тела семисот инженеров, техников, ученых и пленных рабочих. Наступление, которое Германия планировала начать с помощью «оружия возмездия», было отсрочено, и ничто уже не могло помешать высадке союзнических войск в Нормандии десятью месяцами позже.

Одна из самых грандиозных военных операций союзников прошла блестяще: около шестисот бомбардировщиков в лунную ночь с малой высоты атаковали цель. Из этого вылета не вернулось три сотни британских летчиков.

Гитлер вынашивал планы подвергнуть Лондон массированному обстрелу: ежедневно на город должно было обрушиваться сто ракет «Фау-2» и восемьсот самолетов-снарядов. Каждый снаряд имел длину в пятьдесят футов, весил двенадцать тонн и нес боеголовку весом в одну тонну. Каждый самолет-снаряд – небольшой беспилотный реактивный самолет – по мощности заложенной в него взрывчатки не уступал бомбам крупного калибра, которые британские самолеты каждую ночь сбрасывали на Берлин. Гитлер лично пообещал своим министрам: «Атака силами нашего секретного оружия будет приурочена к высадке союзников во Франции». Если бы операция Эйзенхауэра хоть на миг дала сбой, ситуация на фронте могла бы обернуться не в пользу Запада. Германия с ее реактивными самолетами могла бы хоть на время захватить воздушное господство, укрепить оборону и завершить реализацию программы по сооружению подземного нефтеперерабатывающего завода.

Первый из когорты «секретного оружия» – смертоносный беспилотный самолет «Fieseler-103» – был введен в строй только после высадки союзных войск в Нормандии. В течение следующих четырнадцати дней по столице Британии было выпущено почти 2000 этих «смертоносных роботов». На каждом заседании кабинета министров звучали трагические сообщения о растущем количестве человеческих жертв. В Лондоне ежедневно уничтожалось до 20 000 зданий, одна шестая часть города, жизненно важная для военного производства, была стерта с лица земли.

Хуже всего эти известия сказывались на моральном духе солдат союзнических армий, которые, высадившись в Нормандии, теперь с боями прокладывали себе путь в глубь Европы. Каждую ночь они слышали оглушительный рев реактивных двигателей – это ракеты проносились через Ла-Манш в Англию. Каждую ночь миллионы людей – в том числе и автор этой книги – затаивали дыхание, когда рев неожиданно стихал и на несколько секунд воцарялась гнетущая тишина, которая затем сменялась оглушительным грохотом – на чьей-то улице взрывались боеголовки ракет.

Беспилотные самолеты-снаряды были лишь первым «секретным оружием» Гитлера. Впоследствии генерал Эйзенхауэр сказал: «Если бы немцам удалось создать и использовать новое оружие шестью месяцами раньше, чем случилось в действительности, это заметно осложнило бы высадку наших войск в Европе или сделало бы ее вовсе невозможной...»

Эта книга – дань уважения солдатам, ученым, офицерам разведки и всем тем, кто объединил свои усилия, чтобы уничтожить секретное оружие Гитлера и сделать победу союзников возможной.

Глава 1 Планы мести

1

Именно Адольф Гитлер, сам того не желая, побудил Британию предпринять расследование относительно секретного оружия, когда на ралли в Данциге 19 сентября 1939 года выступил с речью, призывая Британию заключить мир теперь, когда он и Сталин совместными усилиями за «восемнадцать дней» овладели Польшей.

Согласно первому, сделанному наспех переводу Би-би-си, в своей речи фюрер говорил об оружии, «которое еще никому не известно и с помощью которого нельзя атаковать Германию».

Мистер Невилл Чемберлен дал распоряжение британской разведке определить природу этого оружия, и доктору Р.В. Джонсу, за восемь дней до того назначенному руководителем британской научной разведки, было поручено провести соответствующее расследование. Джонс, физик, в свое время учившийся у талантливого профессора Ф.А. Линдемана, должен был тщательно проанализировать имевшиеся в распоряжении разведки данные и на их основе составить отчет.

Самое раннее сообщение было датировано июнем 1934 года и содержало сведения о начале разработки в Германии бактериологического оружия. Однако в результате тщательного изучения прочих документов разведки Джонс понял, что существовал куда более широкий спектр средств, на которые мог намекать Гитлер. Джонс обратился к речи Гитлера, пытаясь там отыскать ключ к точной природе угрозы.

Ключевую фразу можно было бы перевести следующим образом: «Очень скоро может наступить момент, когда мы используем оружие, которое против нас никто обратить не сможет». В этих словах не содержалось никаких намеков на то, какое же именно оружие имел в виду Гитлер. Однако профессор Норман, германист из лондонского Кингс-колледжа, прослушав магнитофонную запись выступления Гитлера, переданного по Би-би-си, заявил, что, по его мнению, Гитлер использовал в своей речи слово «оружие» применительно к ударной группе в целом, и, возможно, он имел в виду бомбардировщики люфтваффе в частности.

Усилия доктора Джонса не пропали даром. Оценив собранную информацию о секретном оружии с точки зрения физика, он писал в отчете своему руководству 11 ноября 1939 года: «Есть несколько видов оружия, на которые содержатся намеки и на некоторые из которых следует обратить самое пристальное внимание. Среди них: бактериологическое оружие, новейшие газы, огнеметы, самолеты-снаряды, воздушные торпеды и беспилотные самолеты, ракеты дальнего действия, новые торпеды, мины и субмарины, смертельные лучи и магнитные мины...»

За пять лет британская разведка получила двадцать два донесения, свидетельствующие о том, что в Германии ведется разработка бактериологического оружия. Угроза применения отравляющих веществ была также актуальна, так как компетентные источники указывали, что вражеский газ «арсин» способен проникать сквозь фильтры гражданских противогазов и, следовательно, может «вызвать панику» в Британии.

Только один источник информировал о работе по разработке реактивных снарядов в Германии. Сообщение это было датировано 17 октября 1939 года: «профессор Отто Х. Шмидц», в прошлом работавший на Круппа, построил завод на побережье между Данцигом и Кенигсбергом, и завершил работу над «ракетной оболочкой», вмещающей до 320 фунтов

взрывчатого вещества и способной преодолеть расстояние до 300 миль. Предполагалось, что этот реактивный снаряд выпускался из орудия и двигатель снаряда запускался при достижении высоты 13 000 футов. Никаких иных сообщений относительно ракет дальнего радиуса действия, разрабатываемых Германией, в анналах разведки не содержалось.

Не успел Джонс отправить свой отчет руководству, как пришло сообщение о том, что на Балтийском побережье в Пенемюнде налаживается производство секретного оружия. Военно-морской атташе Британии в Осло получил анонимное письмо, содержащее сведения об определенных технических разработках, производимых Германией. Автор подписался как «доброжелатель, немецкий ученый».

Его родина дорого заплатила за его доброжелательность: в «донесении из Осло» утверждалось, что среди различных видов оружия, испытания которых проводились в Пенемюнде, был и радиоуправляемый самолет-снаряд для атаки морских судов. Оружие, которое начало использоваться только в сентябре 1943 года как «Hs-293», было описано в некоторых деталях, и указывалось его секретное наименование – «FZ-21». Позднее было сообщено, что немцы разрабатывают два вида радиолокационной станции и работают над ракетами дальнего радиуса действия.

Но в тот момент британская разведка не смогла оценить всю важность «донесения из Осло». В отсутствие единой научной разведывательной службы атака на германские разработки в области оружия дальнего радиуса действия в течение двух лет не приносила никакого результата.

Британская разведка больше ничего не слышала о ракетах дальнего действия или о Пенемюнде до конца 1942 года. Даже введение в строй за прошедшие годы двух немецких радаров – «Фрейи» и «Вюрцбурга» – а также подтверждение других предсказаний, сделанных еще в 1939 году в «донесении из Осло», в котором недвусмысленно намекалось на то, что Пенемюнде требует более пристального изучения, не поторопило власти – никаких подробных аэрофотосъемок местности не проводилось до начала 1943 года.

2

К моменту прибытия «донесения из Осло» работа в Германии над ракетой дальнего действия «А-4», позднее известной как «V-2» («Фау-2»), велась уже в течение трех лет. 50-футовая 13-тонная ракета была «номером четыре» в пробной серии ракет на жидком топливе, «агрегатов», над которыми обширная команда германских ученых, финансируемая германской армией и возглавляемая вопиюще молодым Вернером фон Брауном, трудилась с 1932 года.

В 1930 году Управление вооружений германской армии создало под руководством капитана рейхсвера Вальтера Дорнбергера особый отдел по разработке военных ракет. В то время Дорнбергеру было тридцать пять лет. Окончив школу, он служил в артиллерийском полку, в октябре 1918 года попал в плен. Будучи армейским офицером, изучал инженерное дело в Берлинском техническом институте, который закончил с отличием в 1929 году.

1 августа 1932 года Дорнбергер привлек к сотрудничеству фон Брауна. Совместно с инженером Вальтером Риделем фон Брауну предоставили экспериментальную площадку на военном испытательном полигоне Куммерсдорф-Запад, гарантировав достаточное финансирование для работ над ракетными двигателями. Первый созданный ими двигатель представлял собой камеру сгорания уникальной конструкции: он заправлялся жидким кислородом и спиртом и при взлете развивал тягу в 600 фунтов.

Первый «агрегат» куммерсдорфской команды был коротким реактивным снарядом весом всего около 330 фунтов: «А-1» был неустойчив и отказывался взлетать. Когда в октябре 1933 года эти эксперименты продемонстрировали во время визита в Куммерсдорф Адольфа Гитлера, тот проявил мало интереса, и только тайные финансовые субсидии на разработку ракетного двигателя на жидком топливе, предоставленные Дорнбергером, помогли проекту выжить. Когда были завершены работы над двигателем, способным нести вес в одну тонну, Дорнбергер пригласил в Куммерсдорф фельдмаршала Вальтера фон Браухича. Оглушительный рев реактивного двигателя заставил фон Браухича удовлетворить все срочные запросы Дорнбергера.

Команда фон Брауна создала второй реактивный снаряд – «А-2». Два снаряда были запущены с острова Боркум в декабре 1934 года. Неустойчивость предыдущего варианта была преодолена с помощью снабжения снаряда гиросtabilизаторами: ракеты взлетали на высоту более 7000 футов.

Однако фон Браун счел нужным предупредить Управление вооружений 18 января 1939 года, что «А-2» едва ли «можно рассматривать как нечто большее, чем промежуточный вариант, который нуждается в усовершенствовании».

В декабре 1935 года фон Браун посетил свою родную Померанию, чтобы подыскать место для центра по созданию новой ракеты. Он выбрал уединенный район Пенемюнде. Высокий свод голубых небес над этим балтийским островным раем как нельзя лучше подходил для огневых испытаний. Штеттин, ближайший город, находился в семи милях отсюда. Кроме того, вдоль южного побережья Балтийского моря располагались многочисленные островки, на которых можно было разместить станции слежения.

Инженеры ВВС построили здесь аэродром, жилые дома, лаборатории и вдоль восточного побережья – испытательные пусковые ракетные установки. Все было готово к работе над созданием «секретного оружия».

Как и ее предшественники, ракета «А-3» работала на 75-процентном этиловом спирте и жидком кислороде и развивала тягу в 1,5 тонны. В 1937 году в своей докладной записке, направленной в военное министерство, фон Браун заверил: «Ракета на жидком топливе,

предназначенная для использования в военных целях, будет в два раза длиннее, чем «А-3», около сорока четырех футов вместо двадцати двух».

Благодаря этой дорогостоящей военной разработке Пенемюнде превратился в самую передовую экспериментальную площадку в мире. В сосновом бору были расчищены огромные участки, созданы испытательные установки, лаборатории и цеха. По распоряжению фон Брауна началась работа по строительству экспериментального завода для массового производства ракеты «А-4», которое должно было начаться в сентябре 1941 года.

В Пенемюнде была создана не имевшая аналогов в мире по мощности аэродинамическая труба диаметром 40 сантиметров. Здесь также возвели электростанцию, завод по производству жидкого кислорода и множество разных цехов, и все было окутано покровом строжайшей секретности. В военных кругах, впрочем, выражалось сомнение, что война продлится достаточно долго для того, чтобы Германия получила хоть какую-нибудь выгоду от Пенемюнде.

В октябре 1939 года начало поточного производства неиспытанной пока ракеты «А-4» было перенесено на май 1941 года. Характеристика ракеты была такова – 100-процентное попадание в зону 1100 x 550 ярдов на расстоянии 170 миль. Примерная цель – Уайтхолл. Генерал-майор Карл Бекер, руководитель военного ведомства, был осторожен: на встрече с генералом Халдером он говорил о разработке «А-4» как о «перспективе на 3–4 ближайших года». Однако в ноябре Гитлер пришел к выводу, что в этой войне ракеты ему не понадобятся. В списке приоритетных разработок Пенемюнде отсутствовал, и только после неудачи в «битве за Англию», в ноябре 1940 года, Гитлер распорядился воскресить проект. Уже через четыре месяца разработке ракет была присвоена категория «SS», что означало в Германии наивысший приоритет.

Материальные затраты были огромны. Представленный из Пенемюнде бюджет на 50,4 миллиона рейхсмарок был отклонен и в конце концов урезан вдвое. Была подготовлена новая программа, в соответствии с которой первый испытательный запуск ракеты должен был состояться уже в феврале 1942 года, а массовое производство налажено двумя месяцами позже, однако из-за недостатка рабочей силы программа эта оказалась невыполнимой.

Стратегам, знакомым с достижениями пилотируемой бомбардировочной авиации, ракета «А-4», с ее дорогостоящим механизмом, экзотическим топливом и боеголовкой весом в одну тонну казалась бесполезной и нелепой тратой времени и денег, однако за разработкой ракет стояла армия и артиллерийский офицер, а в его глазах «А-4» являлась воплощением абсолютного оружия: какими ничтожными представлялись снаряды, выпущенные по Парижу в 1915 году по сравнению с однотонной боеголовкой «А-4»!

Гитлер был настроен скептически. Когда в начале марта 1942 года его новый министр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер вкратце изложил ему основные вехи проекта, Гитлер велел Дорнбергеру написать теоретическое обоснование промышленных инвестиций на производство перекиси водорода для заправки 3000 ракет «А-4» ежемесячно. Если бы обоснование не было убедительным, перекись передали бы германскому флоту на его нужды и проект по разработке «А-4» оказался бы свернут.

В ставке Гитлера еще шло обсуждение проекта, а первый опытный образец «А-4» в Пенемюнде постигла неудача: 18 марта 1942 года, после трех недель детальных тестов, во время испытания камеры сгорания взорвалась первая ракета. На следующий день ВВС потребовали разрешения провести «теоретическое расследование» для выяснения целесообразности проекта по разработке ракет. Шпеер твердо стоял на своем, и Гитлер поддержал его, однако снова выразил желание увидеть обоснование снабжения ежемесячного запуска 3000 ракет.

Полковник Дорнбергер был встревожен не столько неудачей первой ракеты «А-4», сколько чрезмерностью запросов Гитлера. «А-4» была сложным оружием, и он не видел возможности налаживания массового производства в столь крупных масштабах. В середине апреля появился его меморандум «Предложения по применению ракет дальнего радиуса действия «А-4».

Гитлер настаивал на своих требованиях, более того, увеличил число выпуска ракет до 5000 единиц в месяц. Дорнбергер предупредил его, что это совершенно невозможно. Обеспечение производства 2700 тоннами перекиси водорода не было проблемой по сравнению с 75 000 тоннами жидкого кислорода, продукта, создать запасы которого не представлялось возможным. В год реально было обеспечить выпуск только 26 000 тонн.

К тому же, если бы массированный удар предполагал запуск 100 ракет за восьмичасовой штурм, требовалось осуществить боевую подготовку трех ракетных батальонов. Этот откровенный меморандум привел военное ведомство в замешательство, и для вящей секретности было выпущено всего 30 его экземпляров.

В это время в Пенемюнде шла работа над вторым опытным образцом «А-4». В последние дни апреля 1942 года ракету поместили на испытательный стенд. Запустили двигатель, чтобы проверить работу системы впрыска топлива, а 14 мая состоялось первое испытание ракеты. На следующее утро, когда сверкающая ракета возвышалась на пусковой установке в центре испытательной площадки VII, в небе над Пенемюнде показался разведывательный самолет британских ВВС. Установленная на нем фотокамера запечатлела мирный пейзаж Пенемюнде и «интенсивные строительные работы».

Британцы все еще ничего не подозревали.

Целый месяц инженеры Пенемюнде хлопотали над вторым образцом ракеты, меняя камеру сгорания, настраивая телеметрический контроль. 13 июня 1942 года в 11.52 громкоговорители на испытательном полигоне начали отсчет, а тысячи иностранных рабочих были заперты в своих бараках «для их же собственной безопасности». Ракета величественно поднялась над стартовой площадкой и устремилась в свинцовое небо, однако вскоре начала медленно вращаться и отклоняться от курса. Все еще вибрируя, она исчезла в облаках.

Радары отслеживали ее подъем до высоты 16 000 футов. Она уже преодолела звуковой барьер, как вдруг ее двигатель смолк.

Через девяносто тревожных секунд после отрыва от земли ракета с гулом прошла низко нависшие облака и рухнула в море в миле от испытательной площадки. Вторая ракета фон Брауна потерпела неудачу.

Шпеер не скрывал своего разочарования, когда через десять дней прибыл в ставку Гитлера, чтобы доложить об исходе испытаний.

Гитлер высказал сомнение, что ракета вообще когда-нибудь сможет принять участие в боевых действиях. Его мысли, казалось, блуждали где-то далеко. Он больше интересовался разработками германской авиации, среди которых были управляемые бомбы «Fritz-X», а также истребители «Me-163» и «Me-262» – с ракетным и реактивным двигателями соответственно. Эти разработки казались ему более многообещающими.

Вскоре, уже 16 августа, была запущена третья ракета фон Брауна. Ракета оставалась стабильной в течение первых четырех секунд полета, затем отключилась внутренняя система электропитания, а вслед за этим и телеметрия. Глухонемая ракета неожиданно взревела в высоте, за ней потянулся неровный инверсионный след. На высоте 35 000 футов на скорости, более чем вдвое превышавшей скорость звука, двигатель внезапно смолк, и ракета взорвалась.

Проведя всесторонний анализ трагедии, ведущие инженеры Пенемюнде, включая доктора Тиля, пришли к выводу, что внезапная потеря ускорения разрушила топливные баки, и высвободившееся топливо, в свою очередь, разрушило ракету.

Это очередное разочарование переполнило чашу терпения некоторых подчиненных фон Брауна, и многие стали высказываться против неумного молодого инженера. Фон Браун, безразличный к сложившейся вокруг него беспокойной обстановке, вернулся в свое конструкторское бюро в Четвертом блоке и продолжил работу над усовершенствованием своего детища.

В четыре часа пополудни 3 октября 1942 года четвертая ракета «А-4» легко оторвалась от стартовой площадки и, пролетев 118 миль вдоль балтийского берега, упала менее чем в 4000 ярдах от намеченной цели. Несколько камер запечатлели взлет ракеты. Может статься, историки будущего сочтут примечательным, что на хвостовой части ракеты техники Пенемюнде изобразили юную девицу, сидящую верхом на месяце. Фон Браун заметил на это: «Единственная проблема в том, что ракета приземлилась не на ту планету».

Пока Дорнбергер полностью сосредоточился на составлении спецификаций, которых требовало от него военное ведомство, мысли фон Брауна блуждали где-то далеко.

3

Доклад Шпеера не впечатлил Гитлера. Шпеер нерешительно заговорил о двух вариантах «А-4» – одна ракета с дальностью полета до 180 миль и другая – до 100 миль, но с более тяжелой боеголовкой. Гитлер нашел эти предложения «весьма ценными», однако снова подчеркнул, что производство ракет «А-4» имеет смысл только в том случае, если для первого массированного удара их будет в наличии не менее 5000.

Сам Гитлер не присутствовал при запуске огромной ракеты, и к тому времени, как он увидел фильм об октябрьском триумфе, прошло девять месяцев.

До конца 1942 года со стартовой площадки в Пенемюнде было запущено еще три ракеты «А-4». Правда, ни одна из них не повторила октябрьский успех. И все же внушительное зрелище, которое представляла собой 13-тонная ракета, оставляющая при взлете огненный хвост, и устрашающий рев ее двигателя, эхом катившийся по морю, – для Шпеера этого было больше чем достаточно. Он подготовил приказ о запуске ракеты в массовое производство, и 22 декабря 1942 года Гитлер подписал его.

Центр в Пенемюнде был приравнен к «крупному промышленному концерну» и получил неограниченную финансовую поддержку, а Дорнбергер – неограниченную власть над разработками в Пенемюнде и над производством ракет на заводах фирмы «Цеппелин» во Фридриксхафене. 11 января на встрече четырех экспертов по проекту «А-4» в военном ведомстве в Берлине Дорнбергер наметил разделение усилий: Пенемюнде получал главный контракт на 6000 ракет и субконтракт на часть производства ракет во Фридриксхафене.

Встреча Гитлера и Шпеера состоялась в первые дни нового года. Гитлер, который был наслышан об экспериментах с ракетами дальнего радиуса действия в Америке, настоятельно просил Шпеера определить районы для размещения стартовых площадок. Министр сообщил о возможном запуске ракет «А-4» из бункера на мысе Гри-Не в Северной Франции, и Гитлер одобрил проведение всестороннего исследования этого места инженерами Дорнбергера.

15 января Шпеер назначил Герхарда Дегенколба руководителем нового «Специального комитета по «А-4» при своем министерстве. Задачей комитета было изыскивать необходимые мощности для производства отдельных компонентов оружия и возводить цеха для сборки самих ракет.

Полковник Дорнбергер не делал секрета из своей неприязни к не отличающемуся особым умом Дегенколбу, который, по его мнению, вряд ли принес бы пользу проекту «А-4». Бывший руководитель фирмы «Деаг», Дегенколб (в прошлом председатель локомотивного комитета) прославился благодаря упорному продвижению программы строительства локомотивов, а также тому, что сумел добиться от Гитлера дополнительного финансирования на сумму около 20 000 фунтов.

4

Группа представителей германских ВВС, находившаяся в Пенемюнде, с беспокойством наблюдала за испытаниями. Они видели, как ракеты «А-4» с ревом взмывали в небо с испытательной площадки. Вспышку можно было видеть на сотни миль вокруг. «Германские ВВС, – заметил Шпеер коротко во время допроса после войны, – боялись, что армия в одиночку будет обстреливать Лондон». И еще: «Им не нравилось, что сухопутные войска расправляют крылья». С удвоенной решимостью ВВС стали продвигать свою программу бомбардировочной авиации дальнего действия. Они возлагали надежды на небольшой одно-разовый беспилотный самолет размером с небольшой истребитель и способный нести до тонны взрывчатки на расстояние до 160 миль.

Компания «Аргус» интенсивно работала над этим проектом с марта 1942 года. Разработка двигателя близилась к концу. За основу был взят пульсирующий воздушно-реактивный двигатель Пауля Шмидта. Авиационно-строительная компания Герхарда Физелера «Кассель» (впоследствии «Физелер») разработала корпус самолета под руководством Роберта Луссера, технического директора компании. 19 июня 1942 года на совещании у фельдмаршала Эрхарда Мильха, посвященного воздушному вооружению, представители «Физелера» и «Аргуса» сумели убедить его предоставить их продукции статус наивысшего приоритета.

Простая конструкция этого беспилотного самолета, его возможная эффективность, в свою очередь, серьезно встревожила военное ведомство, которое уже так много вложило в ракеты: 9 октября 1942 года Дорнбергер потребовал от фон Брауна любыми путями выявить слабые места в секретном оружии Мильха.

Фон Браун написал отчет на семи страницах: «Двигатель самолета-снаряда развивает тягу в 670 фунтов и представляет собой дальнейшую разработку реактивного двигателя Шмидта. Поскольку снаряд самостоятельно взлететь не может, он катапультируется с наклонной пусковой установки длиной в 230 футов...» Далее фон Браун указывает, что скорость самолета составляет около 470 миль в час, а максимальная высота полета – от 700 до 6500 футов.

Пробный запуск опытного образца самолета– снаряда прошел успешно. Однако фон Браун знал, что производство 1000 самолетов-снарядов в месяц с лета 1943 года, как планировалось в ВВС, осуществить невозможно, поскольку нехватка катапульта, стартовая перегрузка, неблагоприятные погодные условия и прочие проблемы неизбежно внесут свои поправки в эти планы.

Самолет-снаряд должен был стоить 10 000 рейхсмарок, в то время как оценочная стоимость ракеты «А-4» доходила до 30 000 марок¹. У ВВС уже были заводы («Аргус», «Физелер» и «Рейнметал»), оборудованные для производства самолетов-снарядов. Независимость такого самолета от дистанционного управления по радио делала это оружие «помехоустойчивым». Однако фон Браун верно предсказал, что боеголовка ракеты «А-4» с ее ударной волной в 4 Маха вызовет значительно большие разрушения, чем оружие ВВС, несмотря на их сопоставимую полезную нагрузку.

В начале декабря 1942 года сам Герхард Физелер взлетел на бомбардировщике над Пенемюнде и выпустил в воздух первый самолет-снаряд. В канун Рождества самолет-снаряд был благополучно запущен с катапульта.

¹ Сравнение фон Брауна было чрезмерно оптимистичным. Реальная стоимость массового производства самолета– снаряда и ракеты «А-4» приближалась к 1500 рейхсмаркам (125 фунтов) и 75 000 рейхсмарок (6300 фунтов) за единицу соответственно. См. Приложение. (Здесь и далее примеч. авт.)

ВВС с воодушевлением восприняли эту новость. 3 января 1943 года генерал-лейтенант Вальтер фон Акстельм, главнокомандующий германской зенитной артиллерией, приехал в Пенемюнде, чтобы лично наблюдать за пуском снаряда. Находясь под сильным впечатлением от увиденного, он заявил начальнику штаба ВВС, что самолет– снаряд – это простейший способ атаки целей на расстояние до 225 миль без риска потерь в живой силе.

Фон Акстельм узнал также, что Мильх разработал план, предусматривающий строительство огромных бункеров на побережье Ла-Манша. Из этих бункеров должен был производиться запуск самолетов-снарядов, которому не помешал бы даже ураганный обстрел неприятеля. Фон Акстельм заметил Мильху, что такие грандиозные строительные работы, несомненно, привлекут к себе внимание неприятеля и бункеры будут уничтожены еще до завершения их строительства. В свою очередь, он предложил соорудить около 100 небольших, гораздо менее уязвимых мобильных пусковых установок. Мильх настаивал на своем плане строительства восьми гигантских пусковых бункеров. Решено было оставить последнее слово за рейхсмаршалом Германом Герингом.

5

24 февраля Комитет по «А-4» утвердил программу по массовому производству ракет. Программа была обоснованной и с умеренными запросами. Ее автор, Детмар Шталькнехт, высококвалифицированный инженер из числа сотрудников министерства вооружений, ранее занимался поставками дюралюминия и стали для производства танков. В соответствии с этой программой экспериментальный завод в Пенемюнде должен был производить все ракеты «А-4» до июля 1943 года, когда заработает завод во Фридриксхафене. С декабря 1943 года месячная норма по выпуску ракет будет поделена пополам между двумя заводами, и к сентябрю 1944 года каждый завод будет производить до 300 ракет ежемесячно². В целом этот план оказался близок к достигнутым показателям.

В начале марта в Пенемюнде пришла печальная новость из ставки Гитлера. Шпеер, который находился в ставке с 5 марта, с тревогой сообщил Дорнбергеру, что Гитлеру приснился сон, будто бы ракета «А-4» не в состоянии достичь Англии, и распорядился приостановить работы.

Что должен был ответить Шпееру Дорнбергер? Последний посетовал, что теперь они должны бороться не только с волокитой и косностью чиновников, но также и «со снами нашего величайшего военного диктатора». В действительности представляется маловероятным, что Гитлер на самом деле видел такой сон. Логично предположить, что Шпеер уловил перемену, произошедшую в настроении Гитлера за последние месяцы, – в феврале в Пенемюнде произошел ряд запусков ракет, окончившихся полным провалом. Не желая лишаться своей репутации в политических кулуарах, Шпеер развил тему «сна фюрера», чтобы оправдать свою неспособность вытребовать продолжения финансирования, а также присуждения разработкам столь желанного статуса первоочередной важности, которого он и Дорнбергер добивались с января. Любым доводам можно было противоречить, но только не «сну фюрера».

Сам же Альберт Шпеер не потерял веру так же легко, как его фюрер. Своим более поздним распоряжением он отправил профессора Петерсена, директора «АЕГ», в Пенемюнде в качестве председателя новой Комиссии по бомбардировочной авиации дальнего действия. 25 марта Петерсен написал для Шпеера оптимистичный отчет.

Вооруженный этим отчетом, Шпеер сумел рассеять пессимизм Гитлера. Фюрер всегда радовался, когда разговор заходил о каком-нибудь грандиозном проекте. Если проект предусматривал использование сотен тысяч тонн бетона, фюрер приходил в экстаз.

Вечером 29-го на совещании в Оберзальцберге Шпеера вызвали к фюреру, чтобы он продемонстрировал чертежи, изготовленные «Организацией Тотта» для гигантского пускового бункера в Северной Франции под кодовым названием «Северо-западная электростанция». Гитлер одобрил чертежи, но указал, что, если производство ракет не будет налажено, бункер должен легко переоборудоваться для размещения войск Западного фронта.

Еще в конце декабря 1942 года группа экспертов из Пенемюнде произвела обследование области Артуа во Франции в поисках подходящего для бункера места. Необходимо было найти площадку, с которой удалось бы обстреливать как можно больше английских объектов. Решено было возводить бункер в Эперлеке, в одной миле западнее Ваттена.

К обоснованию выбора места для бункера (в соответствии с докладом Дорнбергера) были добавлены следующие соображения: 1) свободный доступ к основным магистралям; 2)

² Программа выпуска ракет «А-4», предложенная Шталькнехтом, предусматривала выпуск 5150 ракет с марта 1943 года по декабрь 1944 года:

площадка окружена лесом; 3) железная дорога проходит в одной миле от бункера; 5) станция Ваттен расположена в полутора милях; 6) исключительно благоприятное энергоснабжение.

«Организация Тодта» гарантировала поставку рабочих рук и материалов – не так уж мало для проекта, который должен был поглотить около 120 000 кубометров бетона³.

Каркас бункера должен был быть возведен за четыре месяца, к концу июля 1943 года. Положение с энергоснабжением было столь благоприятным, что по завершении строительства бункера в него можно было перевести завод по производству жидкого кислорода. Бункер должен был обслуживаться тремя независимыми электросетями, и только разрушение всех трех могло вывести батарею из строя.

Разве мог Гитлер отвергнуть такой масштабный проект?

В Берлине 24 марта на заседании «Комитета по «А-4» были предприняты первые шаги к налаживанию массового производства ракеты. На заседании присутствовали шестнадцать ведущих специалистов по ракетостроению, включая Эрнста Штейнхоффа, директора по телеметрии в Пенемюнде, и Фридриха Кирштейна, разработчика системы радиоуправляемого отключения двигателя. Были детально проанализированы защитные меры против воздушных налетов, поскольку сейчас проект «А-4» находился на своем наиболее уязвимом этапе: почти каждую неделю в Пенемюнде проводились запуски ракет и союзники уже наверняка должны были забить тревогу. Никак нельзя было исключить возможность воздушного налета на Пенемюнде или на связанные с проектом заводы. Программа производства была еще не готова, и возможный воздушный налет мог породить непреодолимые задержки. Учитывая сомнения фюрера в целесообразности всего проекта, это могло привести к непоправимым последствиям. На берлинском заседании было решено: всем службам, задействованным в реализации проекта, необходимо незамедлительно принять меры – если это еще не сделано – по обеспечению безопасного хранения технической документации.

Пять месяцев осталось до того дня, когда британские ВВС предприняли первую атаку на Пенемюнде, и к тому времени заблаговременно предпринятые немцами меры предосторожности частично лишили эту атаку смысла.

К апрелю Дегенколб уже три месяца был председателем «Специального комитета по «А-4»». Он стал свидетелем запуска ракеты в Пенемюнде и тщательно изучил программы массового производства. 27 апреля министерство Шпеера отменило программу Шталькнехта и заменило ее составленной Дегенколбом программой по массовому производству ракет «А-4». Эта программа предусматривала сборку к декабрю 1943 года ежемесячно в целом 950 ракет «А-4» на трех заводах: в Пенемюнде, Фридриксхафене и заводе Хеншеля в Винер-Нойштадте⁴.

30 апреля фон Браун распорядился: программу, предложенную директором Дегенколбом, являющимся руководителем комитета по «А-4», с этого времени считать единственной имеющей силу программой, на которой следует базировать дальнейшие планы. Все предыдущие программы считать недействительными.

Дегенколб заверил Шпеера, что сумеет выполнить эту на первый взгляд нереальную программу при условии, что 80 процентов технической документации будет предоставлено немедленно, а оставшаяся часть – к июлю.

³ 120 000 кубометров бетона это почти в два раза больше годовой потребности города размером с Кёльн (численность населения 765 000 человек) и более чем в тридцать два раза превышает количество бетона, ушедшего на строительство лондонского отеля «Хилтон».

⁴ Программа Дегенколба была последней официальной программой по производству ракет «А-4» в Германии.

1943	Месяц	Ракеты «А-4»
	До апреля	50
	Май	40
	Июнь	50
	Июль	70
	Август	120
	Сентябрь	350
	Октябрь	650
	Ноябрь	900
	Декабрь	950

Фон Браун считал эту программу вполне осуществимой и выпустил распоряжение подготовить необходимую техническую документацию.

4 мая генерал-полковник Фромм написал Дорнбергеру, что «ввиду предстоящего налаживания массового производства ракет «А-4» он приказывает закончить работы по сооружению пускового бункера в Ваттене, в Северной Франции, к 1 ноября 1943 года. В этот день, по всей видимости, германская армия планировала начать обстрел Лондона.

Глава 2

В бой вступает разведка

1

В конце осени 1942 года в Лондон просочились первые сообщения британской разведки, содержащие предположения о том, что Германия работает над созданием ракет дальнего радиуса действия.

Союзники не слишком удивились: военная разведка еще с октября 1939 года время от времени получала сообщения о подобных экспериментах, но их было слишком мало, чтобы можно было связать воедино опыты по ракетостроению с центром в Пенемюнде. Единственное донесение, хранившееся с мая 1940 года, сообщало о том, что ученый по имени Оберт сотрудничает с германским военным ведомством по вопросу разработки 30-тонной ракеты, способной покрывать расстояние до 160 миль. Профессор Герман Оберт был в действительности одним из самых выдающихся экспертов Германии по ракетам на жидком топливе и ближайшим советником фон Брауна в Пенемюнде.

Тогда, в конце 1942 года, поступили первые три отчета голландского инженера-химика, которые окончательно решили исход дела. Первый отчет пришел 18 декабря и вместе с остальными (последний из отчетов был прислан в марте 1943 года) составил исчерпывающую картину текущего состояния германских ракетных разработок.

Передавший отчет агент подслушал разговор двух офицеров в одном из берлинских ресторанов. Из услышанного можно было сделать вывод, что между 30 ноября и 2 декабря 1942 года близ Свинемюнде состоялись запуски «больших ракет». Эти ракеты якобы могли нести 5 тонн взрывчатки на расстояние до 130 миль, а «зона поражения» составляла около 40 квадратных миль.

В феврале пришло еще одно сообщение, но уже от другого источника: немецкая ракета, говорилось в донесении, способна нести 10 тонн сильного взрывчатого вещества на расстояние до 70 миль. Второй агент назвал место, где проводились экспериментальные запуски, – Пенемюнде.

Британская разведка не могла изучить каждое донесение о секретном оружии. Однако частота, с которой поступали сообщения о «германских ракетах», привлекала внимание: в 1939 году поступило два сообщения, в 1940 году – одно, в 1941 году – ни одного, в декабре 1942 года – одно, и теперь, к марту 1943 года, их было уже пять.

Напрашивалось предположение, что все донесения имеют под собой какое-то солидное основание.

9 февраля 1943 года департамент 14 (h) военной разведки направил письмо майору Норману Фалькону, главному армейскому дешифровщику аэрофотоснимков в Медменхеме: «Появились признаки того, что Германия ведет разработку ракет дальнего радиуса действия, которые, будучи выпущенными с французского побережья, способны поразить Великобританию. Мы были бы признательны, если бы вы установили самое тщательное наблюдение за любыми подозрительными сооружениями, которые по виду могут напоминать пусковые установки для таких ракет».

Казалось бы, что могло быть проще: нужно лишь выбрать из имеющихся донесений те, что представлялись хорошо обоснованными, и начать действовать. Однако работа разведки куда сложнее, чем представляется на первый взгляд: активные попытки, предприня-

тые для увеличения количества донесений по интересующей теме, могли привести к появлению дезинформации.

Однако в марте 1943 года отдел по допросам военнопленных составил отчет, который рассеял все сомнения. Два высокопоставленных германских офицера попались на старую как мир приманку. Эти двое – генерал Вильгельм фон Тома и генерал Людвиг Крювель – были взяты в плен в Северной Африке, содержались отдельно в течение четырех месяцев, а затем 22 марта 1943 года встретились лицом к лицу. Они приветствовали друг друга, как старые друзья, и завели беседу в комнате, напичканной микрофонами. Фон Тома выразил удивление, что Лондон до сих пор не в руинах после германских ракетных бомбардировок. Качество записи оставляло желать лучшего, слышны были только разрозненные обрывки разговора двух генералов, но и этого было достаточно. Фон Тома рассказал, как однажды ему довелось посетить «специальную площадку вблизи Куммерсдорфа, где проводились испытания больших ракет, и весьма оптимистично настроенный майор (по всей видимости, Дорнбергер) похвастался, что ракеты способны подниматься на десять миль в стратосферу и покрывать неограниченное расстояние».

Расшифровка записи этой беседы была направлена в воздушную разведку, где она попала на стол Ф.С. Фрэнка, делившего кабинет с Р.В. Джонсом, руководителем британской научной разведки. По мнению Фрэнка, все выглядело так, будто все эти слухи о ракетах следовало воспринимать серьезно.

Фон Тома производил впечатление человека, словам которого можно было доверять. Кроме того, его информация соответствовала той, что уже имелась у британской разведки. Таким образом, вариант «подсадной утки» можно было исключить.

С этого момента характер проблемы, стоявшей перед британской разведкой, изменился: появились все основания полагать, что проекты немцев по разработке ракет дальнего радиуса действия можно считать установленным фактом.

2

Теперь вопрос заключался лишь в том, чтобы определить круг лиц, информированных о потенциальной угрозе.

Р.В. Джонс, являвшийся научным советником секретной разведывательной службы, полагал, что несколько известных деталей не должны предаваться широкой огласке. «Сообщение лишь части правды, – говорил он несколькими месяцами ранее, – нередко ускоряет принятие неверных решений». Он считал, что долг разведывательных служб состоит в сборе и сопоставлении фактов, которые могут быть обнародованы только тогда, когда составлена полная и достоверная картина. «Описание всей картины разработок противника, – говорил Джонс, – это лучший способ для побуждения высших инстанций к активным действиям».

В военном министерстве считали иначе: угроза была слишком серьезной, чтобы сведения о ней можно было скрывать в кулуарах разведки. В результате в принятии контрмер могло быть допущено роковое промедление. Разведывательный департамент военного министерства направил всю имеющуюся информацию первому заместителю начальника Генерального штаба генерал-лейтенанту А. Наю. Тот пригласил к себе двух ученых, чтобы выслушать их рекомендации: профессора С.Д. Эллиса, научного консультанта военного совета, и доктора Э.Д. Кроу, который отвечал за все британские изыскания в области ракетостроения под эгидой министерства снабжения.

11 апреля Най санкционировал рассылку документа под заголовком «Германская разработка ракет дальнего радиуса действия» начальникам штабов; документ содержал в себе список всех донесений, полученных британской разведкой с декабря, и анализ их общих черт.

В дополнение к донесениям голландского инженера в марте пришли еще два. В одном сообщалось о ракете длиной от 50 до 60 футов, диаметром от 13 до 16,5 фута, боеголовкой весом в 550 фунтов и радиоуправлением, которая «проходила испытания в Пенемюнде». До сих пор успешным можно было считать только один запуск из шестнадцати. Другое мартовское донесение предполагало, что ракета производится Круппом и может покрывать расстояние в 75 миль, и «базируется на побережье Ла-Манша». Февральское сообщение подтверждало сведения об обеих ракетах.

К сожалению, военное министерство сочло эти сообщения не заслуживающими особенного доверия: судя по «техническому заключению», в распоряжении немцев была ракета длиной в 95 футов, весом около 9,5 тонны, запуск которой осуществлялся с пусковой установки около 100 ярдов длиной. Боеголовка ракеты весила тонну с четвертью, из которой около тонны приходилось на взрывчатку, остальное – на оболочку.

Авторы донесения не сделали попытки исследовать наиболее важный аспект эффективности предполагаемой ракеты противника, а именно ее двигатель, который в значительной степени определял дальность ее полета и ее полезную нагрузку. Британские военные ракеты до этого времени использовали только двигатели, работавшие на твердом топливе.

Генерал-лейтенант Най рекомендовал провести масштабную воздушную разведку с целью обнаружения пусковых установок: если они и вправду были длиной 100 ярдов, их невероятно трудно было бы скрыть. Он также настаивал на скорейшем информировании премьер-министра об этой новой угрозе в виде ракет дальнего радиуса действия.

Начальники штабов получили эти распоряжения 12 апреля и согласились, что премьер-министр и министр внутренней безопасности, мистер Герберт Моррисон, должны быть проинформированы о возможной атаке Британии германскими ракетами дальнего радиуса действия.

Через несколько дней бригадир Л.С. Холлис из секретариата Кабинета военного времени сообщил о том, что в дополнение к Эллису и Кроу к расследованию присоединятся ряд управлений, в том числе Объединенный разведывательный комитет, министерство ВВС и министерство авиационной промышленности, а также, возможно, Научный консультативный комитет. При этом бригадир Холлис добавил: начальники штабов могут порекомендовать премьер-министру лиц, которые могли бы посвятить расследованию значительное количество времени.

Начальники штабов выразили согласие с этим предложением, и генерал сэр Гастингс Исмей, начальник Генерального штаба и министр обороны, 15 апреля представил Черчиллю доклад: «Начальники штабов считают необходимым поставить Вас в известность о донесениях, свидетельствующих о том, что Германия осуществляет разработки в области ракет дальнего радиуса действия. С конца 1943 года было получено пять донесений, и это может служить подтверждением факта существования оружия дальнего радиуса действия, пусть даже некоторые детали этих донесений ошибочны...» Начальники штабов, продолжал Исмей, считают, что времени терять нельзя. В случае если факты подтвердятся, необходимо срочно принять контрмеры. Скорейших результатов можно достичь, если назначить человека, персонально ответственного за расследование, который по мере необходимости может привлекать к нему научных экспертов и сотрудников разведки. Здесь же называлась кандидатура: начальники штабов «предлагают на Ваше рассмотрение кандидатуру мистера Дункана Сэндиса».

В то время Сэндису было тридцать пять лет, и он занимал пост парламентского секретаря министра военного снабжения. Его военная карьера квалифицировала его как весьма подходящего претендента на место руководителя расследования по проблеме германского ракетного вооружения.

В 1940 году Сэндис служил в зенитном полку в Норвегии. После провала Норвежской кампании союзников он получил пост в правительстве.

В годы военной службы он был назначен командиром экспериментального ракетного полка в Аберпорте, что в Северном Уэльсе. Этой войсковой части впоследствии будет поставлен в заслугу первый вражеский самолет, сбитый ракетами. Боевая батарея «Z» располагалась в Кардиффе. Сэндис привык проводить там ночи в ожидании воздушного налета, а день – в Аберпорте. Однажды ночью его шофер уснул за рулем, и машина попала в аварию. В результате Сэндис повредил себе обе ноги. После трех месяцев, проведенных в госпитале, Сэндис вернулся в палату общин. Он был депутатом парламента еще с кампании 1935 года, во время которой он встретил мисс Диану Черчилль, дочь премьер-министра и свою будущую жену.

Редко когда назначение на должность встречалось с таким озлоблением и горечью.

В особенности назначением Сэндиса были потрясены два министра – лорд Черуэлл, государственный казначей, и мистер Брендан Брэкен, министр информации. Оба с тревогой наблюдали за растущим доверием премьер-министра к его зятю. Оба до сего момента наслаждались влиятельным положением *eminences grises* («серых кардиналов») в правительстве. Государственный казначей чрезвычайно дорожил давней дружбой с премьер-министром, который назначил его своим личным научным советником.

Черуэлл был всецело предан мистеру Черчиллю. Его реакция на назначение Черчиллем зятя на пост руководителя расследования по секретному оружию Германии была впоследствии описана одним из министров как «почти женская истерика»: в основе ее лежала элементарная, свойственная каждому человеку эмоция – зависть.

Лорд Черуэлл питал неприязнь к ракетной технике еще с 1932 года, а возможно, и с его первых дней в Фарнборо во время Первой мировой войны. Если его отношение к мистеру

Сэндису и до сего дня нельзя было назвать дружелюбным, то теперь оно превратилось в глубокую неприязнь.

3

Дункан Сэндис и не ведал о том, какую реакцию вызвало его назначение.

Его полномочия ограничивались изучением данных разведки и представлением на их основе докладов лично премьер-министру.

В распоряжении мистера Сэндиса было четыре источника информации о секретном оружии немцев: перехват донесений противника, результаты допросов военнопленных из гитлеровской Германии и ее союзников, данные аэрофотосъемки и информация, поступающая от агентов секретной разведывательной службы. В силу специфики этих источников всегда существовала вероятность получения дезинформации. Существовал, впрочем, и другой подход к получению интересующих сведений, в котором офицеры разведки министерства ВВС были весьма искушены, а именно: использование разведданных второго порядка, которые сложно сфальсифицировать.

Теперь перед разведкой стояла следующая проблема: если Германия в самом деле занимается разработкой ракет дальнего радиуса действия, какие задачи следует поставить разведке перед своими агентами?

Доктор Р.В. Джонс припомнил случай в Оксфорде в 1935 году, когда он, аспирант, трудился в Кларендонской лаборатории под руководством профессора Линдемманна (позднее – лорда Черуэлла). Там ему довелось встретить немца Карла Боша, который описал ему обычную проблему, с которой столкнулись конструкторы «Парижской пушки» во время Первой мировой войны. Когда оружие еще находилось на стадии разработки, один за другим с двадцатиминутными интервалами были выпущены три снаряда, но, как ни странно, в районе намеченной цели не было зафиксировано никаких взрывов.

Значительно позже Бош услышал от немецких метеорологов, что в тот день, в место, которое отстояло от первоначальной цели на довольно значительное расстояние, с двадцатиминутными интервалами упали три «метеорита». Разумеется, это были вовсе не метеориты, а снаряды, которые после запуска покинули плотные слои атмосферы и значительно увеличили дальность полета.

Эта не слишком достоверная история вспомнилась Джонсу, когда он стал размышлять, каким образом, будь он немцем, он определил бы место падения снаряда дальнего радиуса действия. Надо полагать, заключил Джонс, что для проекта, имевшего статус наивысшего приоритета, немцы, по всей вероятности, использовали бы имевшиеся в их распоряжении радиолокационные станции.

Доктору Джонсу было известно только о двух воинских частях – 14-й и 15-й ротах Экспериментального полка связи германских ВВС, которые могли отслеживать полет снарядов. Джонс предложил дешифровщикам установить наблюдение за этими частями.

Прошло шесть долгих месяцев, прежде чем терпение Джонса было вознаграждено.

4

19 апреля Центральный пункт дешифрования аэрофотоснимков получил распоряжение от министерства ВВС изучить вероятность угрозы секретного оружия. Воздушная разведка должна была направить свои усилия не только на изучение ракет дальнего радиуса действия, как Сэндис, но всего комплекса секретного вооружения нацистов.

Во главе этого расследования встал пожилой и умудренный опытом подполковник авиации Хью Хэмшо Томас из Сводного разведывательного подразделения в Медменхэме.

Министерство ВВС предположило, что в роли немецкого секретного оружия, скорее всего, выступает самолет с ракетным двигателем или «ракета, запускаемая из заброшенной шахты». На этом этапе название «Пенемюнде» не упоминалось, однако Сводное разведывательное подразделение начало изучать заводы, экспериментальные станции и действующие пусковые площадки противника.

Кроме того, надо было снова внимательно изучить фотоснимки Северо-Западной Франции, сделанные начиная с 1 января в радиусе 130 миль от Лондона (который негласно был признан единственной целью, которая могла представлять интерес для Германии). С этой целью было проведено несколько разведывательных вылетов.

Мистер Сэндис также начал свое расследование с того, что поставил себя на место немцев: он вспомнил экспериментальную ракету в Аберпорте и панику, вызванную взрывами ракет на испытательных стендах или их падением рядом с населенными пунктами. Любой немецкий ракетодром, по всей вероятности, должен находиться вблизи побережья, как Аберпорт, и вдали от населенных районов. Кроме того, подобный объект должен был располагаться в стороне от зоны обстрела флотом союзников.

Таким образом, методом исключения было выбрано Балтийское побережье, а именно – участок Пенемюнде (остров Узедом. – *Примеч. ред.*). Сэндис распорядился тщательно изучить имеющиеся фотоснимки Пенемюнде, чтобы установить наличие каких-либо необычных сооружений.

В Медменхэме бремя дешифрования аэрофотоснимков легло главным образом на промышленный департамент, которым руководил капитан авиации Е.Дж. А. Кенни – блестящий специалист с прекрасной репутацией. Позднее к дешифровке фотоснимков подключился армейский департамент под руководством майора Нормана Фалькона.

В те апрельские дни 1943 года никто не мог предвидеть, сколь значительный вклад внесет воздушная разведка в расследование дела о секретном оружии. Дешифровщики проведут за изучением аэрофотоснимков 280 000 часов, будет сделано 4000 разведывательных вылетов и отпечатано 1 500 000 снимков.

5

20 апреля 1943 года Сэндис официально вступил в свою новую должность, а через два дня государственный казначей, лорд Черуэлл, сделал первые шаги в своем контрнаступлении против него. Из личных бумаг Черуэлла явствует, что он прикладывал все усилия, дабы дискредитировать специалистов по ракетной технике. Отдельные оставшиеся записи отражают лишь некоторые действия, предпринятые Черуэллом в этом направлении, но и их более чем достаточно.

Утром 20 апреля лорда Черуэлла посетил бригадир Джекоб из секретариата кабинета военного времени, а вскоре после этого Черуэлл отправился на совещание к мистеру Черчиллю.

На следующий день лорд Черуэлл присутствовал на дневном заседании кабинета министров, а позже пригласил к себе доктора Кроу, британского эксперта по ракетной технике. Кроу сообщил ему, что, по его мнению, ракета, разрабатываемая немцами, по своей конструкции должна была напоминать огромную фейерверковую ракету весом в 10 тонн: 4 тонны медленно горящего ракетного топлива, заключенные в тяжелый цельнометаллический корпус, весящий около 6 тонн. Эта теория показалась лорду Черуэллу маловероятной.

Он вообще не склонен был относиться к ракетной угрозе серьезно, в то время как все остальные, напротив, готовы были поддержать его точку зрения только в том случае, если появятся достоверные сведения, опровергающие возможность существования ракет.

Будучи личным научным советником Уинстона Черчилля, лорд Черуэлл полагал, что именно он должен развенчать безответственные фантазии, порождаемые непрофессионализмом Сэндиса, который, по всей видимости, специально нагнетал обстановку, чтобы добиться расширения масштабов своей власти.

«Хотя эта вероятность не может быть отвергнута *a priori*, – писал лорд Черуэлл позже в тот день премьер-министру, – все же у меня сложилось впечатление, что при разработке ракет должны возникнуть технические трудности, преодолеть которые Германии не под силу. Огневая точка, несомненно, должна располагаться в районе Кале. Если рельсовые направляющие пусковой установки находятся на поверхности земли, их легко будет заметить и уничтожить при бомбежке. Если же они укрыты под землей, при запуске 10-тонной ракеты с такой установки немцев ждут большие проблемы... Самое худшее, что может случиться, – то, что в результате на Лондон упадет эквивалент бомбы весом в две тысячи фунтов. Поскольку я не владею информацией в полном объеме, мое суждение не может служить мнением в последней инстанции, – писал лорд Черуэлл, – однако в данный момент я склонен поспорить, что подобные ракеты когда-нибудь будут использоваться».

Лорд Черуэлл также подвергал сомнению тот факт, что немцы смогут стабилизировать ракету после старта. Фон Браун в конечном итоге решил эту проблему с помощью графитовых рулей. Лорд Черуэлл об этом, конечно, не знал.

В Пасхальное воскресенье 24 апреля капитан авиации Кенни из Медменхема был приглашен к подполковнику авиации Хэмшо Томасу для встречи с двумя экспертами мистера Сэндиса. Это оказались Уильям Кук, сотрудник департамента по разработке реактивных снарядов министерства военного снабжения, и доктор Х.Дж. Фелпс из министерства экономической войны. Тремя днями раньше Фелпс изучал первую партию фотоснимков из района Пенемюнде и обратил внимание на странные круговые и эллиптические площадки на севере участка. В качестве эксперта по взрывчатым веществам он был приглашен высказать свою точку зрения.

Капитан авиации Кенни продемонстрировал Куку и Фелпсу сооружения в Пенемюнде на увеличенной фотоснимке. На самом севере участка Пенемюнде полным ходом шло освоение территории: дешифровщики уже установили назначение большинства сооружений, расположенных вокруг аэродрома на северной оконечности полуострова. Лишь одно загадочное сооружение привело их в недоумение.

Капитан Кенни высказал предположение, что это могло быть что-то вроде помпы, предназначенной для откачки ила при дноуглубительных работах. Это предположение было встречено аплодисментами. Так дешифровщики совершили свою первую серьезную ошибку: «помпа» на самом деле являлась установкой для запуска самолетов-снарядов.

6

Между тем внимание тех, кто занимался проблемой германского секретного оружия, переключилось на Лондон, где допрашивали словоохотливого немецкого офицера.

Капитана Герберта Клеффа, которому было тридцать два года, взяли в плен в Эль-Аламейне. В лице этого германского специалиста по танкам британская разведка получила не только изъявляющего желание сотрудничать военнопленного. Клеффа отправили в Британию, где в течение года он претерпел странную метаморфозу и превратился в «мистера Питера Герберта», почтенного гражданского служащего одного из министерств ее величества: если быть точным, теперь он стал техническим советником в отделе боевых машин министерства снабжения.

Он в полной мере оценил свою новообетенную свободу и оказанное ему доверие, но, подобно Шахерезаде, опасался утратить все это, когда запас его познаний иссякнет. Исчерпав возможности своей памяти, он решил подключить свое воображение.

Будучи специалистом в области танкостроения, Клефф стал консультантом по вопросам разработки подвесок для британских танков. С того момента, как выяснилось, что «мистер Герберт» на заводе вблизи Дрездена изучал проблемы, представлявшие большой интерес для германского военно-морского флота, его тут же прибрала к рукам военно-морская разведка. Размышляя о том, в какой еще области он мог бы стать интересным для своих слушателей, Клефф вспомнил о ракетостроении как раз в тот момент, когда паника в стенах Уайтхолла достигла своего апогея.

«Мистер Герберт» как-то упомянул, что он весьма искушен в делах германских ВВС и знаком с проблемой ракетных двигателей. После этого его незамедлительно доставили в отдел допросов министерства ВВС. Данные, полученные во время допроса Клеффа, получили гриф «совершенно секретно», а в список рассылки были включены имена сэра Генри Тизарда и подполковника авиации Фрэнка Уитгла.

«Мистер Герберт» заявил, что он лично принимал самое активное участие в разработке германских реактивных снарядов, и уверял, что ужасающего вида и необычайных размеров ракеты уже прошли испытания: «Реактивные снаряды такого рода, весящие сотню тонн или более, уже существуют, а может быть, уже и используются. Они способны развить скорость до километра в секунду, то есть в три раза превысить скорость звука...»

Клефф утверждал, что запуск ракет производится либо из шахт, либо с наклонных пусковых установок. «Стотонный реактивный снаряд, – заявлял он, – нуждается в пятнадцати тоннах ракетного топлива для полета на расстояние в пятьсот километров».

Здесь нужно отметить, что ранее отчеты Клеффа о конструкции немецких танков были высоко оценены британскими танковыми экспертами, поэтому его сообщения о немецких ракетах тоже представлялись заслуживающими доверия. Клефф вообще был незаурядным человеком, обладавшим острым умом. Как-то раз ему на глаза попался научный труд Титчмарша по высшей математике, и он прочел его с таким увлечением, словно это был какой-нибудь приключенческий роман. Все, кому доводилось встречаться с этим новообращенным англичанином, поддавали под его обаяние.

Тем временем в начале апреля поступило первое донесение от агента союзников, упоминавшее название «Ваттен». В донесении говорилось об «огромных котлованах» глубиной 80 метров с бетонным фундаментом толщиной в три метра. Донесение было передано в военное ведомство и там осело.

7

29 апреля, спустя четыре дня после того, как был написан отчет о допросе Клеффа, в Медменхэме подготовили анализ данных аэрофотосъемки Пенемюнде.

Этот анализ основывался на фотоснимках, полученных в результате четырех недавних вылетов, самый последний из которых был сделан по просьбе Сэндиса. Дешифровщики описали имеющиеся на участке сооружения, включая аэродром, где – это было неизвестно британцам – проводились испытания самолетов-снарядов. Также в Пенемюнде были зафиксированы два заводских цеха площадью в 700 ярдов на юго-востоке, зловещие эллиптические площадки на северной оконечности и три круглые площадки на юго-западе, а также электростанция на западном побережье.

В любом другом случае британцы незамедлительно отыскивали бы в лагерях для военнопленных немцев, которые могли бы прояснить назначение различных зданий и сооружений. Однако в случае с Пенемюнде в распоряжении британской разведки таких плененных не было.

В связи с этим работа дешифровщиков аэрофотоснимков сильно осложнялась. Департамент капитана авиации Кенни, который ранее уже идентифицировал пусковые установки для самолетов-снарядов как «помпы», теперь окрестил два огромных здания «заводами по производству азота», а небольшое здание по другую сторону от железной дороги – заводом по переработке аммиака, так как они напоминали заводы, уже виденные ранее в других местах, например в Рьюкане (завод по производству тяжелой воды в Норвегии).

На самом деле огромные заводские цеха были предназначены для сборки ракет «А-4» и их компонентов. Монтаж ракеты всегда производился в вертикальном (стартовом) положении, этим и объяснялась высота сооружений.

Но это была не последняя ошибка капитана Кенни. Обратив внимание на электростанцию в Пенемюнде, он пришел к выводу, что «она не подает признаков жизни... не дымит ни одна из шести труб». На самом деле электростанция была действующей, просто немцы установили на трубах электростатические пылеуловители и дымоуловители, чтобы сократить выбросы дыма.

Вероятно, самой чреватой серьезными последствиями ошибкой было игнорирование здания к юго-востоку от электростанции. Его определили просто как «большое сооружение размерами 220 футов на 140 футов». На самом деле это был завод по производству жидкого кислорода. Если бы Сэндис знал об этом, он ни за что не прошел бы мимо этого обстоятельства, ведь жидкий кислород был основным компонентом ракетного топлива. Подобное неоспоримое свидетельство производства ракет на жидком топливе, ранее представлявшееся профессором Обертом в 1925 году и американским ракетным экспериментатором, доктором Робертом Х. Годдардом в 1926 году, безусловно привлекло бы внимание лорда Черуэлла, и последующих дискуссий просто не было бы.

Между тем дешифровщикам из Медменхэма поручено было отыскать доказательства производства ракет, запускаемых с помощью привычных взрывчатых веществ, например кордита. Вскоре они отыскивали такие доказательства и засвидетельствовали: общий внешний вид завода, расположенного на расчищенном участке среди леса, позволяет предположить, что он может использоваться для производства взрывчатых веществ.

Самое пристальное внимание капитан Кенни и его команда сосредоточили на загадочных эллиптических площадках, рядом с которыми возвышалась группа высоких зданий и передвижные краны. Никто не осмелился официально высказать догадку относительно предназначения этих эллипсов площадью 670 ярдов, но в умах дешифровщиков зарождалась уверенность в том, что эллипсы должны быть не чем иным, как стартовыми площадками для ракет. Они фиксировали: огромное облако белого дыма или пара относится ветром в северо-

западном направлении от района. На фотоснимке 5010 виден объект длиной около 25 футов, выступающий в северо-западном направлении от ориентированного на море конца здания. Когда спустя четыре секунды был сделан фотоснимок 5011, этот объект исчез, а из смотрящего на море фасада здания исходили клубы белого дыма или пара.

Изучение записей по Пенемюнде позволяет понять, что же именно там происходило в тот момент: 22 апреля, в день, когда были сделаны фотоснимки, на испытательный стенд VII (эллиптическая площадка) был установлен двадцать первый опытный образец ракеты дальнего радиуса действия «А-4». То самое «облачко белого дыма или пара», по всей вероятности, представляло собой испарение, возникшее при заправке нескольких тонн жидкого кислорода в топливные баки ракеты. В двадцать пять минут четвертого, вскоре после того, как пролетел «москито», комендант, полковник Занссен, стоявший на крыше телеметрической лаборатории, дал по телефону сигнал фон Брауну, и тот начал предстартовый отсчет. Образец, запущенный в тот день, оказался наиболее успешным из всех, что были созданы до того в Пенемюнде: она пролетела 160 миль. Это была еще и последняя ракета, запуском которой командовал Занссен: четыре дня спустя по приказу СС его перевели в Берлин.

29 апреля, с экземплярами отчета по расшифровке аэрофотоснимков, Кенни направился в министерство снабжения в Шелл-Мекс-Хаус. Там его уже ждали ученые. Кенни, несколько оробевший при виде столь представительного собрания, с облегчением увидел среди присутствовавших своих знакомых по Кембриджу – профессора Гарнера и сэра Эдварда Булларда.

Выслушав отчет Кенни, Сэндис пришел к заключению, что Пенемюнде, по всей вероятности, является испытательным центром. В своем докладе он сделал предположение, что кольцеобразные и эллиптические площадки, по всей видимости, предназначены для испытания взрывчатых веществ и реактивных снарядов.

Однако, решил Сэндис, принимая во внимание недействующую электростанцию, эти площадки в настоящее время вряд ли являются функционирующими. Если же испытания реактивных снарядов и проходят, то они находятся на самом первом, экспериментальном уровне. Очевидно, что крупные ракеты дальнего радиуса действия не являются ближайшей угрозой.

На этом доклад мистера Дункана Сэндиса заканчивался.

8

В мае от британских агентов поступили донесения, сообщавшие о том, что на побережье Ла-Манша противник установил шесть орудий, предназначавшихся якобы для запуска снарядов с ракетными двигателями, дальность полета которых составляет 75 миль.

Мистер Сэндис дополнил свой доклад, направленный 17 мая в кабинет министров, следующим уточнением: на основании полученной информации можно сделать вывод, что уже в течение некоторого времени Германия работает над созданием крупной ракеты, способной поражать цели на очень большом расстоянии (по всей вероятности, эта работа идет параллельно с разработкой летательного аппарата с ракетным двигателем и запускаемых в воздухе реактивных торпед). Имеющаяся информация, продолжал Сэндис, позволяет предположить, что разработка этого вооружения находится на завершающей стадии, и необходимо предпринять все меры для получения более полной информации. Экспериментальные заводы, которые с большой долей вероятности связаны с разработкой и производством этого оружия в Германии и на территории, оккупированной Германией, наряду с вызывающими подозрение работами на северо-западном побережье Франции, должны стать объектом бомбардировок.

В докладе Сэндиса более всего поражало одно – значительное увеличение гипотетического размера ракеты. Теперь предполагалось, что ракета – это 70-тонный многоступенчатый монстр, заправляемый неизвестным новым топливом. Вес боеголовки определялся в 10 тонн. Дальность полета – от 100 до 150 миль. «Пусковые установки» все еще считались неотъемлемым приложением к процедуре запуска ракеты.

Припомнив, что в феврале 1941 года от германской бомбы весом в 2,5 тонны погибло восемь человек, министерство внутренней безопасности во главе с мистером Гербертом Моррисоном, основываясь на этой информации, выяснило разрушительную силу новой германской ракеты: по приблизительным подсчетам, она могла убить до 600 человек. Если предположить, что каждый час на Лондон будет падать одна такая ракета, то каждый месяц будет гибнуть до 108 000 человек.

У лорда Черуэлла, которому была направлена копия доклада Сэндиса, эти расчеты доверия не вызвали. Он был хорошо знаком со статистическими данными потерь при бомбежках, поскольку занимался этим вопросом в марте 1942 года.

Он пригласил к себе доктора Р.В. Джонса и попросил его высказать свое мнение относительно докладов о германском ракетном вооружении. Джонсу не был направлен экземпляр первого доклада, но, будучи научным советником разведки, он продолжал получать весь остальной материал – текущие донесения и радиоперехваты. Он сообщил Черуэллу, что ни он, ни его сотрудники нисколько не сомневаются, что всем этим данным должно уделяться самое серьезное внимание.

Черуэллу это не обескуражило. По всей вероятности, ему было достаточно того, что расследованием по ракетам руководит мистер Сэндис. Испытывая к нему глубокую неприязнь, Черуэлл автоматически решил для себя, что все заключения мистера Сэндиса не могут быть верными по определению.

17 мая дешифровщиками аэрофотоснимков была отмечена непонятная активность в Ваттене, близ Кале. На снимках были видны «широкие просеки в лесу, а также, возможно, гравийный карьер». Ранее поступившие донесения разведки относительно деятельности немцев в Ваттене, по всей вероятности, не были известны дешифровщикам. Пока что досье по Ваттену было отложено в сторону.

9

Снова допросили «мистера Питера Герберта». Из огромного потока военнопленных были выловлены и допрошены другие «эксперты по ракетам».

Самым важным военнопленным, взятым в плен 20 апреля 1943 года, стал старший офицер экспериментального подразделения германских ВВС. Он рассказал, как его командира, полковника Ровеля, недавно вызвали в Берхтесгаден, где Гитлер обсуждал с ним вооружение, предлагаемое для использования против Британии «этим летом». Во время этого разговора упоминались как реактивные снаряды, так и летательный аппарат с реактивным двигателем. Теперь уже и «мистер Герберт» описал многоступенчатую ракету, только первая ступень которой весила 25 тонн, была 12 футов длиной и от 10 до 11 футов диаметром. Пусковая установка могла «находиться в шахте, которую невозможно было обнаружить с помощью воздушной разведки». В начале 1942 года «мистер Герберт» видел 60-тонный снаряд, выпущенный с рельсовой пусковой установки, установленной внутри обшитой сталью бетонной шахты глубиной 240 футов и диаметром 150 футов. Ракета была выпущена в воздух, «вероятно, над Балтикой», и, прежде чем упасть в воду, пролетела 150 миль.

Сообщение «Герберта» выглядело правдивым. Он говорил о том, что системы радиопередачи ракет производились в Берлине; описал балтийские ракетные испытания, проведенные профессором Обертом в середине 1930-х годов; а также передал слова генерал-майора Адольфа Галланда, который сказал пилотам, что в Пенемюнде Мессершмитт разрабатывает истребитель с ракетным двигателем. Вся эта информация в значительной степени основывалась на фактах.

Первая запись допроса была немедленно направлена Уильяму Куку, помощнику доктора Кроу, британского эксперта по ракетам. Кук направил выдержки из нее главному химику компании «Шелл» капитану Дж. А. Ориелу, предупреждая, впрочем, что немецкий военнопленный в последнее время постоянно изменяет свои показания. «Лично у меня сложилось впечатление, что какую-то часть информации Клефф просто выдумывает», – заключил Кук.

Каждый правдоподобный намек, каким бы незначительным он ни казался, необходимо было проверять. Ориел направил копию письма Кука Исааку Луббоку, инженеру, который сам руководил уникальным проектом «Шелла» по разработке ракетного двигателя, способного работать на авиационном бензине, воде и жидком кислороде. Это поразительно напоминало состав топлива (жидкий кислород и спирт), над которым работали в Куммерсдорфе и Пенемюнде.

Одним из просчетов британской разведки было то, что инженера Луббока, хотя его работавшая на кислороде ракета развивала тягу значительно большую, чем ракета, использовавшая кордит, предпочитаемый британцами (как и комбинацию азотной кислоты и анилина, избранную американцами), до сентября 1943 года не привлекали к участию в расследовании Сэндиса. В каком-то смысле это был просчет одного человека, доктора Кроу, руководителя всех официальных ракетных разработок в Великобритании.

10

В начале 1941 года министерство снабжения заключило контракт с компанией «Шелл» на разработку конструкции ракеты, могущей работать на любом другом топливе, за исключением кордита. С этой целью министерство снабжения предоставило в распоряжение Луббока производственные мощности возле Хоршема.

После некоторых начальных трудностей, связанных с эксплуатацией топлива и поведением жидкого кислорода в камере сгорания, 15 августа 1942 года было произведено первое пятисекундное испытание ракетного двигателя.

В октябре Луббок решил пригласить на испытания доктора Кроу, но тот лишь скупой поздравил Луббока с успешными испытаниями, но желания присутствовать на них не выказал.

7 мая 1943 года Луббок пригласил большую группу британских ученых понаблюдать за работой новой топливной системы. Ракетный двигатель успешно прошел испытание, длившееся двадцать три секунды, звук выхлопа, от которого затрепетали листья деревьев в округе, эхом прокатился по Суссексу. Сэр Альфред Эгертон пожал Луббоку руку и воскликнул: «Я поражен вашими достижениями. Поздравляю вас!» Кроу подобного жеста не предпринял.

Вернувшись в Лондон, он не сделал ни малейшей попытки привлечь к этим разработкам внимание мистера Сэндиса, и до конца сентября 1943 года все были уверены в том, что ракеты в Пенемюнде должны работать только на твердом топливе, как ракеты, конструируемые самим Кроу.

11

В начале мая полковник Вальтер Дорнбергер сумел убедить гаулейтера Фрица Заукеля посетить Пенемюнде. Полковник Штегмайер, фанатик национал-социализма и армейский командующий работами в Пенемюнде, заблаговременно получил все необходимые инструкции. Он страстно желал уверить гаулейтера в том, что в Пенемюнде кипит работа. Ему не было нужды беспокоиться: на второй день пребывания Заукеля в Пенемюнде суматоха там достигла такого нереально высокого уровня, что британские дешифровщики, исследовавшие аэрофотоснимки из Пенемюнде, сделанные во второй половине дня с высоты пять миль, решили, что, судя по «необычно высокому уровню активности» в Пенемюнде, немцы уже близки к завершению работы над «секретным оружием». Штегмайер распорядился: «Никому из рабочих без дела не слоняться». Помимо этого он издавал и такие распоряжения: «Необходимо строго следить за тем, чтобы мыло не исчезало из туалетных комнат офицерской столовой, и за тем, чтобы полотенца всегда были чистыми и сухими».

Заукель прибыл в спецавтомобиле фюрера вскоре после полудня 13-го. После сытного обеда его отвезли в Четвертый блок – проектную мастерскую и административный центр Пенемюнде-Восток. Здесь ему продемонстрировали знаменитый фильм о первом успешном запуске «А-4» с впечатляющим финалом и лозунгом: «Мы все– таки сделали это!»

Затем делегация отправилась в обход по военным сооружениям. Начиная с 1939 года у Дорнбергера и фон Брауна было достаточно времени, чтобы отточить свое гостеприимство. Захватывающий дух спектакль, поставленный в этих секретных военных декорациях, о которых даже Заукель имел весьма туманное представление, впечатляющий фильм о запуске ракеты 3 октября 1942 года, оглушительный рев двигателей 25-тонной махины на пусковой установке – кто мог устоять против этой магии?

В половине пятого караван из автобусов и машин проследовал мимо охраны СС, выставленной у въезда на огромную испытательную площадку в виде эллипса – испытательный стенд VII, где техники в этот момент проверяли ракету «А-4».

Гаулейтер был потрясен ее размерами, вблизи она оказалась куда больше, чем на экране. Дорнбергер позволил ему постоять рядом с ракетой всего пятнадцать минут, но пообещал ему, что на следующее утро специально для него ее запустят.

Перед ужином полковник Дорнбергер пригласил гостя бросить взгляд на испытательную площадку II, где испытывалась камера сгорания для проекта «Вассерфаль» – одноразового 25-футового зенитного реактивного снаряда класса «воздух – земля», работавшего на жидком топливе, как и «А-4», но в качестве окислителя использовавшего азотную кислоту.

Погода стояла великолепная. Выдающийся в море мыс Пенемюнде нежился в теплых лучах солнца, и голубое небо лишь немного портили редкие легкие облачка. Эти прекрасные условия для запуска едва ли мог испортить слабый весенний бриз с юго-запада, обдувавший вертикально стоящую ракету.

«А-4» показала себя с самой лучшей стороны.

Через шестьдесят секунд после взлета на высоте 79 310 футов двигатель ракеты отключился. Снаряд набрал высоту, достигнув 55 миль над поверхностью земли (на 11 миль больше расчетной высоты), и, наконец, поразил землю через пять с половиной минут после взлета в 160 милях от места запуска, превысив расчетное место приземления на 12 миль.

Спустя два дня после визита Заукеля Гитлер одобрил предложение Шпеера о том, что министрам правительства предписывается инспектировать новое оружие, которое разрабатывалось в Хиллерслебене и Пенемюнде. 26 мая Шпеер сам отбыл в Пенемюнде в компании с генералом Фроммом, фельдмаршалом Мильхом, Карлом– Отто Зауром (правой рукой

Шпеера), адмиралом Дёницем и членами комитета по бомбардировочной авиации дальнего действия.

Запуск двух ракет «А-4» состоялся в облачную сырую погоду.

Первая ракета стартовала ровно в полдень и исчезла в низко нависших над землей облаках. Радары зафиксировали высоту 64 мили над землей, и через 348 секунд после запуска ракета поразила землю в 175 милях, на три мили дальше от намеченной цели. Этот великолепный запуск «А-4», которая не всегда могла похвалиться покладистостью, случился как нельзя кстати: основываясь на результатах испытаний, немецкое правительство собиралось раз и навсегда решить судьбу секретного оружия.

Успех запуска первой ракеты был столь оглушителен, что все присутствующие уже не столь пристально следили за вторым образцом, который был запущен через пять с половиной часов после первой. Вторая ракета успешно стартовала, пронзив тонкий слой перистых облаков, но вскоре после этого рухнула на землю на глазах у всех присутствующих.

В тот же день ВВС запустили два самолета-снаряда с аэродрома Пенемюнде. Из-за большого количества технических проблем оружие работало с перебоями, поэтому никто, кроме фельдмаршала Мильха, не был слишком разочарован, когда оба снаряда рухнули на землю сразу же после запуска.

В конце дня был вынесен вердикт: разработка обоих видов вооружения должна вестись параллельно. Следующий повод, по которому Шпеер прилетел в Пенемюнде, оказался более трагичен...

Между тем Дорнбергер был произведен в генерал-майоры, и три дня спустя после демонстрации в Пенемюнде Шпеер впервые публично заявил, что у немцев кое-что приготовлено для Британии: «Пусть германские мельницы возмездия мелют слишком медленно, зато они делают это тщательно...»

Гитлер присвоил программе Дегенколба по «А-4» статус наивысшего приоритета по сравнению с остальным вооружением. Будущие контракты на производство ракет должны были получить особый статус.

Теперь, казалось, ничто не могло помешать ракетному обстрелу Лондона, намеченному Адольфом Гитлером на декабрь 1943 года.

12

По распоряжению Дункана Сэндиса 14 мая отдел аэрофоторазведки совершил еще один вылет в Пенемюнде. По странному стечению обстоятельств ВВС Британии снова выбрали для вылета день и время незадолго до того, как немцы запустили очередную ракету «А-4».

Капитан Кенни докладывал: «Общий уровень активности на всей площадке достаточно высок. Это доказывается интенсивными строительными работами на центральной кольцеобразной площадке [испытательный стенд XI] и передвижением большого количества транспорта по шоссе и железной дороге».

На складах сосредотачивалось большое количество материалов и запасов. Кенни отметил, что с 22 апреля в Пенемюнде многое изменилось. Кроме того, отмечалось: возле эллиптической площадки замечено некоторое количество легковых автомобилей и грузовиков. На фотоснимках, сделанных во время предыдущего вылета, видно, как к эллипсу движется караван из пяти грузовиков. На центральном грузовике – цилиндрический объект размерами 38 футов на 8 футов.

Этим «объектом» была ракета «А-4». Фактически, эти «объекты» были на фотоснимках, которые Кенни взял с собой в министерство снабжения еще 24 апреля, но тогда никто не обратил на них внимания. Вряд ли это может вызвать удивление. Белое расплывчатое пятно на сером расплывчатом пятне, длиной 1,5 миллиметра, оставалось «объектом» до середины июня.

Враждебная реакция, с которой был воспринят первый доклад Сэндиса, в том числе негативное отношение лорда Черуэлла, незамедлительно возымела последствия: «мистера Герберта» опять вызвали на допрос и потребовали снова рассказать свою историю. В результате появилась возможность провести четкую грань между тем, что он на самом деле видел, и тем, что с его стороны было «чистейшими домыслами». «Герберт» объяснил, что первоначально немцы его пригласили для того, чтобы получить от него заключение – подойдет ли новое германское супертопливо для танковых двигателей. Поскольку эксперименты с ракетами проходили поблизости, он сумел увидеть их. Теперь он утверждал, что ракеты запускали из Шварцвальда в направлении Боденского озера.

Настойчивое утверждение, что ракету запускали из Шварцвальда в направлении Боденского озера, притом что в случае перелета ракета могла рухнуть на Швейцарию, несколько подрывало веру в надежность источника. Однако для Сэндиса в этой истории важной деталью был общий знаменатель, в данном случае – «разработка ракеты Германией».

Отыскивали одного немецкого генерала, который страстно жаждал рассказать о реактивных снарядах. Он заявил, что видел, как из Грейфсвальдер–Ойе в направлении острова Борнхольм запускали ракету длиной в 20 футов. И что самое важное: он был уверен, что топливо ракеты было жидким, чистый спирт.

На этом этапе, однако, расследование Сэндиса не могло полностью игнорировать показания «мистера Герберта», и, когда он описал пусковые шахты в Шварцвальде, мастерски закамуфлированные и защищенные листами небомбомбостойкими стали, мистер Сэндис мог лишь попросить отдел аэрофоторазведки проверить район, указанный «Гербертом», на аэрофотоснимках. Он не склонен был недооценивать возможности воздушной разведки, которая способна была и подкрепить доказательствами доклады разведки, и одним движением опровергнуть их.

В июне Сэндис попросил сделать аэросъемку различных районов, которые упоминались агентами и военнопленными. Он хотел, чтобы аэросъемка покрыла всю территорию, оккупированную врагом, в радиусе 130 миль от Лондона. Более того, он потребовал проводить регулярную аэрофотосъемку Пенемюнде – примерно раз в две недели – и специальную аэросъемку островов Грейфсвальдер-Ойе, Борнхольм и Рюген, а также делать аэрофотоснимки в районах Хольцкирхена, к югу от Мюнхена, где «Герберт» якобы стал свидетелем запуска ракет. Кроме того, он рекомендовал, чтобы были атакованы Пенемюнде и Людвигсхафен. По его мнению, практически не оставалось сомнений в том, что ракеты дальнего действия в самом деле существуют и уже могут производиться в ограниченном количестве.

Тем временем разведка выпустила доклад по подозрительной конструкции в Северной Франции. Хотя это напрямую не относилось к секретному оружию, лорд Черуэлл, чьему вниманию 3 июня Джонс предложил аэрофотоснимки, согласился с необходимостью срочно уничтожить площадку. Он писал премьер-министру: «Фотоснимки показывают, что немцы возводят крупные конструкции, похожие на огневую позицию, в районе Кале. Независимо от того, насколько серьезно мы воспринимаем версию о новом оружии, предназначенном для бомбежки Лондона, не будет ли разумным атаковать эти конструкции прежде, чем над ними будут возведены бетонные купола? Если враг считает нужным возводить эти конструкции, значит, мы должны разрушить их, пока не стало слишком поздно».

На этом этапе еще ярче выявился раскол между Сэндисом и Черуэллом. Когда Джонс решил, что обнаружил что-то ценное на фотоснимках, он отправился с ними не к Сэндису, который был официальным руководителем расследования, не к своему непосредственному начальнику из министерства ВВС, вице-маршалу авиации Инглису, а к лорду Черуэллу, к которому он питал глубокое уважение с тех пор, как был аспирантом в Оксфорде. И снова Черуэлл не считал нужным проинформировать Сэндиса о полученной информации.

Министр ВВС не разделял взгляды Черуэлла относительно необходимости немедленных действий по бомбежке Ваттена. «Преждевременная операция может лишить нас важной информации», – заявил Синклер.

8 июня Черуэлл нанес визит лорду Мелчетту на Гросвенор-сквер, чтобы обсудить с ним один особый вопрос – потенциал самых мощных из известных взрывчатых веществ. Черуэлл хотел получить авторитетное подтверждение для своего заявления, что предположение «мистера Герберта» о том, что в распоряжении Германии якобы находится сверхмощное взрывчатое вещество, было абсурдным. 11 июня Черуэлл писал мистеру Черчиллю: «Я так и не смог убедить себя в том, что всю эту историю следует воспринимать так серьезно, как это предлагает сделать доклад. Военнопленный, который поднял панику, сделал, по крайней мере, одно заявление, которое является совершенно ошибочным». Лорд Черуэлл согласился, что немцы действительно могут работать над ракетами дальнего радиуса действия, однако, по его словам, им пришлось столкнуться со значительными трудностями. Едва ли это было удивительным, поскольку создание подобных летательных аппаратов может занять команду инженеров на годы.

Проблемы могли возникнуть со всем – с транспортировкой 70-тонного реактивного снаряда, его установкой на пусковое устройство и т. д. Кроме того, если «пусковая установка» была неприметной, значит, она должна была находиться под землей. «А это потребовало бы сооружения гигантского подземного бункера», – указывал Черуэлл.

Проект беспилотного радиоуправляемого летательного аппарата – с реактивным или иным двигателем – представляется более осуществимым, но эффективность обстрела такими снарядами была бы меньшей, чем при обычной бомбардировке.

В заключение лорд Черуэлл писал: «Джонс, который, как Вы, может быть, помните, руководит научной разведкой в министерстве ВВС, держит под контролем этот вопрос, поэтому не существует большого риска того, что нас застигнут врасплох».

Вряд ли можно сомневаться в том, что лорд Черуэлл предпочел бы видеть Джонса на месте Сэндиса, чья невежественность в научных вопросах могла, по мнению Черуэлла, нанести ощутимый вред.

Было обстоятельство, препятствовавшее назначению Джонса или любого другого ученого: вряд ли человек, не являющийся правительственным чиновником, будет обладать достаточной властью, чтобы рекомендовать осуществление контрмер. Сэндиса выбрали на эту должность в основном потому, что военное ведомство и министерство ВВС так и не смогли решить, к какому роду оружия относятся ракеты – к артиллерийским снарядам или летательным аппаратам, то есть находятся ли они в компетенции военной или воздушной разведки.

13

Только благодаря случайному стечению обстоятельств ВВС Британии нанесли свой первый удар по германским планам производства ракет.

В начале июня «собственный» дешифровщик аэрофотоснимков доктора Р.В. Джонса из Медменхеме, Клод Уэйвелл, обнаружил, что дирижабле– строительный завод «Цеппелин» во Фридриксхафене на берегах Боденского озера, по всей видимости, производит оборудование для ракет.

3 июня Джонс привлек к этому факту внимание лорда Черуэлла. Профессор, в нарушение субординации, осмелился обратиться напрямую к начальнику штаба ВВС с рекомендацией произвести немедленную бомбардировку завода. 14 июня Медменхем посетил мистер Черчилль. Ему продемонстрировали фотоснимки Фридриксхафена, и он узнал, что завод до сих пор не атакован. Спустя два дня 5-я бомбардировочная группа получила приказ об уничтожении завода.

Воздушный налет на Фридриксхафен, выполненный 22 июня, был первым ударом по германской программе секретного оружия. Завод «Цеппелин», который должен был в соответствии с планами производить 300 ракет «А-4» ежемесячно, серьезно пострадал при бомбежке, и от плана производства там ракет пришлось отказаться.

В Англии все внимание по-прежнему было приковано к Пенемюнде: за первые пять дней июня в Лондоне получили четыре в высшей степени подробных донесения разведки, из Блетчли и от агентов. Первое донесение, датированное 1 июня, касалось двух исследовательских центров германских ВВС: одного, уже хорошо известного, в Рехлине, другого – на Узедоме (Пенемюнде). В донесении указывалось, что работы в исследовательском центре на острове Узедом, по всей видимости, носят особенно секретный характер. На следующий день поступило донесение, в котором Пенемюнде именовалось «*Heeresversuchsanstalt*» – военный исследовательский центр.

Очевидно, что это донесение поступило из источника, близкого к Пенемюнде-Восток, так как оно содержало утверждение – как мы теперь знаем, совершенно правильное, – что между 10 октября и 30 декабря 1942 года были произведены запуски трех крупных ракет длиной от 50 до 60 футов и диаметром от 13 до 16 футов.

16 июня Центральный дешифровальный отдел выпустил отчет по аэрофотоснимкам, сделанным в Пенемюнде четырьмя днями ранее.

Команда Кенни совершила свою вторую ошибку, и снова по причине непонимания того, каким образом действуют германские ракеты. Как ранее докладывала разведка, береговая полоса к востоку от эллипса была расширена и выровнена. Кенни было ясно, что это не простой проект по освоению земли, поскольку вокруг площадки было выстроено высокое ограждение. Он заметил: «На береговой полосе, в четырехстах семидесяти футах от юго-восточных границ [эллипса], установлена мощная вертикальная колонна высотой около сорока футов и диаметром в четыре фута».

В тот момент эта мощная вертикальная колонна не вызвала особых подозрений: однако это было последнее доказательство того, что ракета из Пенемюнде не была 70-тонным монстром, запускаемым только с помощью огромных рельсовых пусковых установок. То, что Кенни назвал «сорокафутовой колонной», на самом деле было стандартной ракетой «А-4», изящно стоявшей на своих четырех хвостовых стабилизаторах на мягкой гидронированной площадке, в нескольких сотнях ярдов от ближайшей железнодорожной ветки.

Доктор Р.В. Джонс сумел получить собственный набор аэрофотоснимков этого достопамятного вылета над Пенемюнде N/583 12 июня.

Он отчетливо увидел белую ракету, лежащую на железнодорожной платформе недалеко от эллипса, и с нетерпением ожидал отчета дешифровщиков из Медменхема, которые должны были заметить детали, которые он мог просмотреть. Однако отдел Кенни вообще не упомянул о ракете.

16 июня озадаченный Джонс позвонил лорду Черуэллу и сообщил об этой ошибке, а затем пришел к нему лично, чтобы обсудить эту дилемму со своим наставником. Он мог незамедлительно поставить в известность о замеченной промашке кабинет министров, и тогда эта серьезная оплошность могла дискредитировать расследование Сэндиса. В таком случае расследование снова передали бы соответствующему подразделению разведки. Или же он мог привлечь внимание Сэндиса к ракете на снимке. Лорд Черуэлл посоветовал Джонсу сделать последнее. Это была, по всей вероятности, последняя услуга, которую Черуэлл оказал расследованию Сэндиса до июля 1944 года.

В тот же самый день доктор Джонс написал короткую записку Дункану Сэндису: «Лорд Черуэлл попросил меня привлечь Ваше внимание к одному факту, который прошел мимо вашего внимания: на снимках, сделанных во время вылета N/583 в Пенемюнде, видна ракета длиной около тридцати пяти футов».

Записка была отправлена в тот же день. Мистер Сэндис не пригласил к себе Джонса, однако в Медменхем тут же последовал отчаянный звонок, и к отчету Кенни было срочно добавлено приложение без даты, описывающее объект, замеченный Джонсом: «Объект длиной тридцать пять футов и тупой с одного конца. Внешний облик этого объекта на фотоснимках напоминает собой цилиндр, заостренный с одного конца и снабженный тремя стабилизаторами на другом конце».

Охота началась. Кенни поднял ранние фотоснимки Пенемюнде и обнаружил несколько «объектов» со стабилизаторами на других снимках: на вагонах-платформах, рядом с высокими зданиями, на передвижных платформах, обслуживавших эллипс и близлежащие пусковые установки.

Доктор Джонс, уединившийся в своем кабинете, просматривал свежую информацию. Его последнее распоряжение о том, чтобы в Блетчли вели перехват сигналов «Энигмы» из германского экспериментального полка ВВС, принесло важные результаты: полк недавно направил расчет на остров Рюген, к северу от Пенемюнде. Отдаленный гарнизон этого расчета располагался на острове Борнхольм.

«Это может быть связано с радиотехническими помехами, вызываемыми радарными, следящими за ракетами, запускаемыми в Пенемюнде», – отмечал Джонс. Он указывал, что, в соответствии с последними донесениями разведки, один из последних образцов радаров «Вюрцбург» как раз направлен в Пенемюнде.

В середине июня последовал еще один перехват сообщения «Энигмы», который позволил предположить, что на острове Борнхольм расположились две радиостанции.

Из радиоперехватов стало ясно, что на острове частым гостем был «профессор Штейнхофф», который всегда прилетал из Пенемюнде на бомбардировщике «Хейнкель-111» с бортовыми буквами KC-NV.

Таким образом, можно было считать установленным фактом, что Пенемюнде был выбран в качестве места для разработки германских ракет. Интенсивная радио- и радарная активность, а также ракета, замеченная Джонсом на фотоснимке 12 июня, побудили Сэндиса написать 18 июня в штаб ВВС предупреждение, что немцы, по всей видимости, продвигаются вперед с разработкой ракет дальнего радиуса действия, что в Пенемюнде имеют место частые запуски ракет и что там укрепляется противовоздушная оборона. В заключение Сэндис настойчиво советовал: «В подобных обстоятельствах желательно как можно скорее провести бомбовую атаку центра в Пенемюнде».

В течение долгого времени ответа на этот призыв не было. В самом деле, Пенемюнде представлял собой очень трудную цель. Ночи были короткие, кроме того, бомбардировщики должны были атаковать с едва ли не смертельно низкой высоты, а пилотам сейчас, как никогда, нужна была передышка после ужасающих потерь, понесенных во время битвы за Рур.

Штаб ВВС попытался тактично изложить все эти доводы в письме мистеру Сэндису, отправленном не позднее 26 июня. Казалось, что центр в Пенемюнде можно вывести из строя только с помощью массированного воздушного налета, нацеленного преимущественно на рассредоточенные промышленные сооружения и примыкающие к ним жилые кварталы. Из-за коротких летних ночей не представлялось возможным осуществить подобную атаку до начала августа.

Мистер Сэндис счел это «нежелание» удивительным.

14

23 июня отдел воздушной разведки совершил один из своих самых важных вылетов за все время расследования. Вскоре после полудня «моски-то» сержанта Е.П.Х. Пика приземлился на родном аэродроме с комплектом великолепных четких фотоснимков, охвативших всю экспериментальную площадку Пенемюнде, и в особенности пусковой испытательный стенд VII. На этих фотоснимках были четко видны белые корпуса ракет.

Капитан Кенни все еще осторожничал, однако изменил свое обозначение с «объекта» на «торпеду».

Тем вечером премьер-министр созвал начальников штабов на совещание. Как только оно закончилось, мистер Черчилль пригласил к себе Джонса и спросил у него, не связался ли с ним уже Сэндис. Удивленный Джонс ответил отрицательно. После минутного размышления премьер-министр предупредил его: «Очень хорошо, на следующей неделе я снова созову совещание начальников штабов. Будьте готовы!»

Как только Сэндис получил отчет Кенни, он подготовил свой собственный доклад по ракетной угрозе. У него не оставалось сомнений, что немцы вот-вот пустят в ход крупные пусковые установки, и в Ваттене наверняка находится одна из них. Сэндис предупреждал: «Несмотря на все усилия помешать им, немцы имеют возможность вывести на огневые позиции в Северной Франции ряд пусковых установок и начать ракетную атаку Лондона».

Расчеты, основанные на многочисленных полученных донесениях, показывали, что дальность полета ракеты может составить от 90 до 130 миль, продолжал Сэндис. Теперь Лондон не являлся единственной целью, дальность полета ракеты позволяла поразить также Портсмут и Саутгемптон. Бомбежка Пенемюнде может не принести значительного успеха. В связи с этим Сэндис предлагал министерствам здравоохранения и военного транспорта подготовить планы эвакуации и рассмотреть возможность концентрации большого количества в Лондоне «убежищ Моррисона».

Если в качестве топлива ракеты использовали кордит и 50 процентов их массы составляла стальная обшивка корпуса, то ракета, подобная тем двум, что были на фотоснимках из Пенемюнде, едва ли могла весить больше 60 тонн.

Доктор Р.В. Джонс независимо от Сэндиса пришел к выводу, что ракета из Пенемюнде может весить «от двадцати до сорока тонн».

Во второй половине дня 26 июня он явился к Сэндису, ознакомился с его отчетом и был поражен, увидев, что Сэндис смело говорит о предполагаемом весе ракеты от 60 до 100 тонн.

Сэндис пригласил его поговорить по телефону с помощником доктора Кроу Уильямом Куком, который подтвердил бы эти выкладки. Секретарь Сэндиса соединил Джонса с Куком, и Джонс своими ушами услышал, как тот подтвердил свои расчеты.

После короткого разговора доктор Джонс повесил трубку и в замешательстве поспешил обратно в свой офис, где его секретарь как раз только что закончила печатать его собственный отчет. К счастью, он еще не был откопирован и распространен.

Джонс сказал ей:

– Они говорят, что ракета весит от шестидесяти до ста тонн. Наверное, я был не прав. Они, судя по всему, знают, о чем говорят. Но даже если и так, я не могу просто так увеличить свою цифру до восьмидесяти...

Он боролся со своей совестью. В конце концов он велел секретарю стереть первоначальные слова «от двадцати до сорока тонн» и вставить новую оценку: «возможно, от сорока до восьмидесяти тонн». Так Джонс перешел в лагерь мистера Дункана Сэндиса.

Два дня спустя, 28 июня 1943 года, мистер Сэндис направил свой отчет членам комитета обороны. Следующим вечером на заседании комитета он обратил внимание присутство-

вавших на более поздние фотоснимки из Пенемюнде, на которых четко проступили корпуса ракет. Не было сомнения, что ракетная атака Лондона будет иметь самые серьезные последствия. По приблизительным подсчетам министерства внутренней безопасности, от взрыва одной такой ракеты погибнет или будет ранено до 4000 человек. Гитлер, предупреждал Сэндис, настаивает на том, чтобы ракеты были применены в самое ближайшее время, какие бы технические трудности ни препятствовали этому.

Самой лучшей контрмерой будет разрушение Пенемюнде.

Штаб ВВС уже рекомендовал отложить воздушный налет на Пенемюнде до августа, однако утром в офис мистера Сэндиса пришло доказательство того, что в августе уже может быть поздно что-либо предпринимать.

– Существует вероятность, – заявил Сэндис вечером, – что оружие будет применено до начала августа.

В его руках были фотоснимки из Пенемюнде. На них был запечатлен поезд, состоящий из необычно длинных крытых вагонов, которые явно предназначались для транспортировки ракет.

15

17 июня 1943 года инженеры Пенемюнде подготовили отчет о достигнутых результатах для комитета по «А-4»: согласно отчету, большая часть работ должна была завершиться к 20 июля. 26 июня доктор фон Браун пригрозил начальникам своего отдела страшной карой, если кто-нибудь превысит сроки завершения работ без предварительного информирования его или главного инженера Вальтера Ридделя: «Прежде чем вносить какие-либо изменения, вспомните, что производство ракет уже начато».

Планы по массовому производству беспилотного летательного аппарата «Fi-103», самолета-снаряда, быстро догоняли разработку ракет «А-4». 18 июня рейхсмаршалу Герману Герингу сообщили на совещании, что на тот момент в Пенемюнде уже были запущены 50 самолетов-снарядов, 35 из них показали себя с самой лучшей стороны. Из оставшихся пятнадцати десять упали по причинам, впоследствии выявленным и устраненным. Самое большое расстояние, достигнутое на тот момент снарядом, составляло 44 мили. Максимальная скорость – 375 миль в час.

Предварительная программа по массовому производству уже была выработана, она предусматривала увеличение выпуска самолетов-снарядов в пятьдесят раз за период с августа 1943-го по июнь 1944 года⁵.

Фельдмаршал Мильх предложил построить восемь массивных бетонных «бункеров», из которых можно было бы запускать снаряды, а генерал-лейтенант фон Акстельм, напротив, настаивал на сотне небольших мобильных пусковых установок. Геринг избрал компромиссное решение: он распорядился немедленно начать сооружение девятиста шести небольших пусковых площадок и четырех крупных бункеров.

Он объявил, что подумывает о производительности в 50 000 снарядов в месяц.

Десять дней спустя фюрер дал свое согласие на строительство четырех «пусковых бункеров» для самолетов-снарядов.

Если Геринг излучал оптимизм, то инженеры были настроены более реалистично: командир Пенемюнде-Запад сообщал: «В целом пять запусков «Fi-103», один из которых впервые совершен из катапульты «вальтер», принесли положительные результаты. Запуск с бетонной наклонной пусковой установки с катапультной была неудачным из-за недостаточной скорости при запуске. Три остальных снаряда также упали по неизвестным причинам».

Эти трудности на раннем этапе не обескуражили германские ВВС. Они с энтузиазмом принялись за изучение вопроса – возможно ли транспортировать самолеты-снаряды через Атлантику на субмаринах, чтобы атаковать американские города.

Однако в течение шести недель новые неудачи привели в уныние даже самых стойких оптимистов, и испытательные запуски были полностью приостановлены на тот период, пока ученые анализировали причины неудач.

Военным инженерам в Пенемюнде-Восток повезло больше. С момента первого удачного запуска ракеты «А-4» в декабре 1943 года было произведено еще двадцать три запуска, и количество сбоев постепенно сокращалось.

28 июня рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер нанес в экспериментальный центр второй визит. Он потребовал доложить ему о текущем прогрессе в разработке проекта «А-4». Доктор фон Браун и генерал-майор Дорнбергер повели его в офицерскую столовую и там в приватной беседе вежливо, но твердо выразили желание, чтобы весь проект «А-4» в целом

⁵ Программа июня 1943 года предусматривала следующие месячные нормы выпуска самолетов-снарядов «Fi-103» («V-1»):

получил статус наивысшего приоритета, который уже распространялся на электронные компоненты ракеты.

На следующее утро в четверть десятого при очень низкой облачности с испытательного стенда VII был запущен тридцать восьмой опытный образец ракеты «А-4». Ракета благополучно покинула свой пьедестал и взмыла в небо.

И вдруг Дорнбергер в смятении увидел, как пестрый корпус ракеты стал сначала незаметно, а потом все сильнее и сильнее вращаться.

Ракета, вибрируя и извергая пламя, перевернулась и понеслась к земле. Через пятнадцать секунд после запуска внутренние части механизма ракеты вышли из строя из-за невероятной перегрузки, двигатель умолк, и «А-4» рухнула с высоты 300 футов на взлетно-посадочную полосу германских ВВС в Пенемюнде-Запад. Три стоявших там самолета были уничтожены взрывом 8 тонн жидкого кислорода и спирта. На полосе образовалась воронка 100 футов в поперечнике.

Говорят, Гиммлер с насмешкой заметил:

– Ну вот, теперь я могу вернуться в Берлин и с чистой совестью приказать налаживать производство оружия для рукопашного боя.

Генерал-майору Дорнбергеру, который прекрасно помнил о миллиардах рейхсмарок, вложенных в Пенемюнде и «А-4», шутка Гиммлера показалась несмешной.

В течение пятидесяти пяти минут взмокшие от пота инженеры Пенемюнде водрузили еще одну ракету «А-4» – № 40 – на пусковую установку. Они проверили ее, заправили, снова проверили и запустили.

На этот раз ракета благополучно взмыла в утреннее небо и исчезла из вида в высоких слоистых облаках. Рев ее двигателя эхом отдавался по всему Балтийскому морю в течение минуты, до тех пор пока не поступил радиосигнал, отключивший двигатель. Запуск получился образцовым: двигатель «А-4» должен был по плану отключиться при достижении скорости 4491 фут в секунду, но выключение произошло на скорости 4501 фут в секунду, то есть погрешность составила менее чем четверть процента. Вскоре после этого станции слежения доложили, что ракета упала на расстоянии 145 миль на Балтийском побережье.

Лицо Гиммлера оставалось бесстрастным, однако было ясно, что на него произвел впечатление такой великолепный запуск и его триумф. Он обещал замолвить перед фюрером словечко, если представится такая возможность. В четверть восьмого Гиммлер уже вернулся в ставку фюрера в Хохвальде.

16

А в Лондоне между тем события приближались к развязке: наступал вечер, на который премьер– министр назначил заседание комитета обороны, о котором он говорил в начале недели доктору Р.В. Джонсу.

Явившись на совещание, доктор Р.В. Джонс обнаружил, что ему отвели кресло во главе стола, обычно занимаемое одним из начальников штабов и находящееся прямо напротив места премьер– министра. По левую руку от мистера Черчилля сидели Эттли, Иден, Брэкен, Бивербрук, далее – Черуэлл и Криппс. Справа расположились генерал Исмей, начальники штабов, Моррисон и различные приглашенные. Дункан Сэндис и члены его комитета также были среди присутствующих. Вряд ли кто из них забудет детали дискуссии, последовавшей за вступительной речью мистера Сэндиса с демонстрацией фотоснимков Пенемюнде, на которых так отчетливо были видны белые корпуса ракет.

Только Герберт Моррисон и лорд Черуэлл высказали свои сомнения, причем последний был более убедителен. Моррисона удивило только то, что полигон в Пенемюнде не был должным образом замаскирован.

Лорд Черуэлл же, взяв на себя роль, как он сам пояснил, «адвоката дьявола», решил, что комитету может помочь, если кто-нибудь выступит в роли оппонента. Он отверг показания военнопленных как явно ненадежные, в особенности когда они говорили о германском «супертопливе». Он также настаивал, что было бы неверно предполагать, что немцы одним скачком достигли этапа, который у британских конструкторов ракетных систем занял более пяти лет.

Ему определенно представлялось курьезным, что немецкие ракеты были окрашены в яркий белый цвет и словно специально оставлены лежать там, где союзники не могли проглядеть их. По мнению Черуэлла, вся эта история пахла «тщательно продуманной дезинформацией», призванной скрыть другие, более губительные разработки немцев.

У него не было определенных идей относительно формы реальной угрозы, кроме той, что немцы могут использовать «беспилотные летательные аппараты с реактивным двигателем». Но даже в этом случае, согласился он с Сэндисом, Пенемюнде следует бомбить, а в тех районах Северной Франции, где, возможно, возведены «пусковые установки», необходимо вести постоянное радиолокационное наблюдение и аэрофотосъемку. В то же время он снова повторил, что союзникам опасно пренебрегать поисками других доказательств, в особенности признаков ведения разработок в области систем радиоуправления, которые послужили бы признаком готовности врага нанести удар с помощью беспилотных самолетов.

Мистер Уинстон Черчилль признал, что доводы профессора заслуживают внимания, однако он был совершенно уверен, что Германия в скором времени атакует Британию. Он пригласил Джонса высказаться по этому поводу. Джонс долго помнил, как премьер–министр повернулся к нему и сказал:

– Ну а теперь, доктор Джонс, давайте послушаем *правду!*

К ужасу лорда Черуэлла, его протесте принялся один за другим опровергать все выдвинутые им весомые аргументы. Пенемюнде, провозгласил Джонс, является, без всякого сомнения, «самым важным германским экспериментальным центром» после Рехлина. Отвечая на ранее заданный мистером Черчиллем вопрос, Джонс признал, что некоторые ракеты действительно были окрашены в белый цвет, однако на фотоснимках присутствовала и ракета черного цвета, которую очень сложно было обнаружить. Это не подходило под гипотезу о дезинформации.

Да и с какой целью немцы стали бы громоздить такой обман? Единственным результатом этого явилась бы бомбардировка одного из двух самых важных экспериментальных

центров Германии. Относительно стадии, на которой могла находиться разработка ракет, Джонс рассказал, что неделей раньше было перехвачено сообщение от штабного офицера в Берлинский департамент вооружений генерал-майора Лейерса о требовании Гитлера относительно немедленного ввода ракет в строй. В сообщении также говорилось, что уже сооружены тридцать катапульт, однако начало наступления – первоначально запланированное на 1 июля – необходимо отложить до конца месяца, а может быть, придется перенести и на более поздний срок. Это сообщение вряд ли могло оказаться «уткой»; возникал единственный логический вывод: как можно скорее уничтожить Пенемюнде.

Хотя он не мог сказать об этом на заседании по причинам секретности, одним из самых убедительных для доктора Джонса доводов в пользу истинности информации по Пенемюнде стала на первый взгляд обычная директива германских ВВС о выделении топлива. Джонс попросил Блетчли-Парк отследить сообщения «Энигмы», в которых упоминался бы Пенемюнде. Через некоторое время Джонсу был направлен перехват, в котором центр в Пенемюнде упоминался в самом начале списка распределения топлива. Этого было достаточно: центры явно располагались в порядке их важности, и Пенемюнде стоял вторым после Рехлина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.